

Редакционная коллегия:

О. И. Цоколова (заместитель ответственного редактора),
В. Г. Баяхчев, О. А. Зайцев, В. В. Улейчик,
Л. С. Корнева (ответственный секретарь)

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. – 116 с.

На основе анализа действующего законодательства, следственной практики, различных правовых теорий рассматриваются актуальные вопросы квалификации преступлений, проблемы дознания и предварительного следствия. Вносятся предложения по изменению законодательства с учетом происходящих изменений в политике и экономике.

УДК 343.1

© Государственное учреждение
«Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России», 2003

Л. В. Яковлева,
кандидат юридических наук
(ВНИИ МВД России)

ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Уголовная ответственность является одним из видов юридической (правовой) ответственности¹. Рассматривать ее пытались с различных точек зрения. Предлагалось, например, различать позитивный и негативный аспекты юридической ответственности в целом и уголовной в частности. При этом подчеркивалось, что это не две различные по содержанию ответственности, а стадии развития (формы бытия) единой ответственности, ее возможность и действительность². За позитивной ответственностью признается роль морального регулятора поведения людей³. Негативная ответственность представляется результатом противоправного поведения индивида, выражающимся в наступлении для него неблагоприятных последствий.

Согласиться с таким делением юридической (и уголовной) ответственности нельзя, поскольку сложно признать наличие у государства намерения удерживать людей от совершения преступлений только путем устрашения, исключая такие неправовые рычаги воздействия на сознание и поведение людей, как мораль, нравственность, сила традиций и др. Кроме того, тезис о существовании позитивной уголовной ответственности противоречит положению о том, что ответственность «не может существовать иначе, как в реализованной форме, в противном случае она теряет существенные имманентные свойства метода государственного принуждения и осуждения»⁴.

---

¹ См.: Астемиров З.А. Методологический подход к раскрытию понятия и сущности уголовной ответственности // Проблемы уголовного и исправительно-трудового права. Вып. 3. Рязань, 1975. С. 4-16; Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. С. 126; Духно Н.А., Ивакин В.И. Понятие и виды юридической ответственности // Гос. и право. 2000. С. 12.

² См.: Злобин Г.А. Виновное вменение и уголовная ответственность // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988. С. 41.

³ См.: Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Сов. гос. и право. 1979, № 5. С. 72-78; Тарбагаев А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986. С. 23-30; Уголовное право. Общая часть. М.: Новый Юрист, 1997. С. 295; и др.

⁴ Тарбагаев А.Н. Понятие уголовной ответственности как последствия совершения преступления // Вестн. ЛГУ. Вып. 1. Сер. Экономика, философия, право. 1983. № 5. С. 85-86.

Реализацией этого вида ответственности, очевидно, должно считаться надлежащее исполнение юридических обязанностей и сохранение уголовно-правового статуса лица в неизменном виде: человек, соблюдающий требования закона, не становится субъектом уголовно-правового отношения, не подвергается осуждению и наказанию⁵. Однако перечисленные обстоятельства нельзя признавать проявлением позитивной ответственности, поскольку ответственность не может возникнуть по поводу соблюдения установленных обществом норм и правил, являясь по своей сути реакцией на асоциальное поведение.

«В большой части рассуждений о правовой позитивной ответственности правовые явления теоретически объединяются с такими категориями правосознания и морали, как «осознание необходимости правомерного поведения», «добросовестное отношение к своим обязанностям», «чувство ответственности» и т. п.»⁶. В итоге понятие юридической ответственности тем или иным образом связывается «с предположением, что правом регулируется не только поведение, но и внутренний духовный мир человека»⁷, что противоречит основному положению уголовного права о наказуемости деяний, а не мыслей. Кроме того, «введение понятия позитивной юридической ответственности вносит неясность, так как объединяются обязанность совершить предусмотренные законом действия и юридические последствия неисполнения этой обязанности»⁸.

Ответственность всегда предполагает применение к лицу, нарушившему предписания закона, определенных мер воздействия. Поэтому юридическая ответственность в целом и уголовная в частности может быть только ретроспективной и негативной⁹.

Помимо проблемы выделения в юридической ответственности позитивного и ретроспективного аспектов, серьезные разногласия среди криминалистов вызывает толкование понятия «уголовная ответственность». Время от времени учеными предпринимались попытки классифицировать выска-

---

⁵ Отрицая существование позитивной юридической ответственности, И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин писали: «Юридическая ответственность, с тех пор как она возникла, всегда была ответственностью за прошлое, за совершенное противоправное деяние. Иначе можно прийти к неприемлемому выводу, что лицо, не совершившее преступление, уже несет правовую ответственность» (см.: Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 43).

⁶ Общая теория государства и права. Академический курс. Т. 2. С. 597.

⁷ Там же. С. 398-399.

⁸ Лаврентьев А.Р. Коллизии института юридической ответственности в России. Н. Новгород, 2001. С. 11.

⁹ См. также: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974; Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976; Ткачевский Ю.М. Понятие уголовной ответственности, ее суть и цели // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2000. № 6. С. 18-19.

зывавшиеся по этому поводу суждения. В зависимости от стадии разработанности проблемы выделялись от двух до четырех более или менее однородных концепций уголовной ответственности. В настоящее время можно назвать следующие направления, по которым развивались теоретические представления о сущности рассматриваемой правовой категории.

Авторы первого считали, что уголовная ответственность есть реальное применение уголовно-правовой санкции, которое, как правило, выражается в назначении и исполнении наказания. К приверженцам этого мнения относятся О.Э. Лейст, Н.И. Загородников, Ю.А. Денисов¹⁰. Н.И. Загородников, например, отмечал: «Уголовная ответственность – это реальное применение уголовно-правовой нормы, выраженное в отрицательной оценке специальным органом государства – судом – поведения лица, совершившего общественно опасное деяние, и в применении к нему мер государственного принуждения. В содержание уголовной ответственности входят назначение судом наказания ... и его исполнение...»¹¹.

Представители второго направления понимают ответственность как обязанность. К его сторонникам относятся Я.М. Брайнин, А.А. Пионтковский, М.П. Карпушин, В.И. Курляндский, Т.А. Лесниевски-Костарева¹². Проиллюстрировать видение этими учеными сущности уголовной ответственности можно на примере высказывания Т.А. Лесниевски-Костаревой, определявшей ее как «обязанность лица не совершать преступлений, а в случае совершения – обязанность претерпеть меры государственного принуждения в пределах, предусмотренных уголовным законом»¹³.

Права и обязанности возникают только в рамках конкретного правоотношения, поэтому, несмотря на определенную самостоятельность, позиция этих ученых близка пониманию уголовной ответственности сторонниками третьего направления. Оно представлено Л.В. Багрий-Шахматовым, А.И. Марцевым, Ю.Б. Мельниковой, Н.А. Стручковым, отождествлявшими уголовную ответственность с уголовным правоотношением либо с совокупностью правоотношений¹⁴. По этому поводу Н.А. Стручков писал:

---

¹⁰ См.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 97-128; Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. Л., 1983. С. 140.

¹¹ Загородников Н.И. О пределах уголовной ответственности // Сов. гос. и право. 1967. № 7. С. 39-40.

¹² См.: Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 25; Пионтковский А.А. О понятии уголовной ответственности // Сов. гос. и право. 1967. № 12. С. 40; Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 21.

¹³ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 33.

¹⁴ См.: Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. С. 104; Марцев А.И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений.

«... уголовную ответственность образует реализация уголовных, уголовно-процессуальных и исправительно-трудовых правоотношений»¹⁵.

В соответствии с мнением другой группы ученых ответственность есть осуждение. Эту позицию разделяют С.А. Шлыков, А.И. Бойцов, А.И. Санталов, Ю.М. Ткачевский¹⁶, предлагая рассматривать уголовную ответственность как реальное уголовно-правовое воздействие, которому подвергается лицо, совершившее преступление. Ю.М. Ткачевский подчеркивает, что уголовная ответственность – это «правовое последствие, результат применения норм уголовного права к лицу, совершившему преступление. Указанное последствие представляет собой осуждение от имени государства виновного лица за совершение преступления»¹⁷.

Особого взгляда на сущность уголовной ответственности придерживается В.М. Хомич: «Уголовная ответственность представляет собой осуждение по приговору суда лица, совершившего преступление, и применение на основе осуждения наказания и иных мер воздействия в соответствии с уголовно-правовой санкцией». На первый взгляд кажется, что точка зрения В.М. Хомича совпадет с последним из приведенных выше представлений об уголовной ответственности. Однако это сходство чисто внешнее. На самом деле В.М. Хомич не отождествляет уголовную ответственность с осуждением, как это делали авторы упомянутой концепции. Он считает осуждение, понимаемое как правовое состояние, основой уголовной ответственности. Благодаря этому к лицу, совершившему преступление, можно применять различные формы ее реализации – карательные (наказание), профилактические, испытательные и воспитательные. Поскольку в качестве содержания любой ответственности выступают меры реального воздействия на личный или имущественный статус подвергнутого ответственности лица, имеющие своей целью его ресоциализацию, постольку собственно уголовная ответственность представляет собой систему «актов осуждающе-карающего и осуждающе-профилактического воздействия на преступника»¹⁸.

Омск, 1973. С. 23; Мельникова Ю.Б. Дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 1989. С. 31.

¹⁵ Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 50.

¹⁶ См.: Тихонов К.Ф. Субъективная сторона преступления. Проблемы социального содержания вины в советском уголовном праве. Саратов, 1967. С. 38; Шлыков С.А. Понятие уголовной ответственности // Проблемы совершенствования советского законодательства: Тр. ВНИИСЗ. М., 1981. Вып. 20. С. 138-149; Бойцов А.И. Содержание уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности и наказания. Красноярск, 1986. С. 66-75; Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 18.

¹⁷ Ткачевский Ю.М. Указ. соч. С. 17.

¹⁸ Хомич В.М. Формы реализации уголовной ответственности. Минск, 1998. С. 33, 37, 10.

Представляется, что ни одна из предложенных концепций понимания уголовной ответственности не может быть признана безупречной. Приверженность к любой из них оставляет нерешенными часть вопросов. Так, если согласиться с мнением, что уголовная ответственность есть реальное назначение и исполнение наказания, предусмотренного санкцией, то остается не ясным, почему возможно назначение наказания без его реального исполнения либо применение иных мер уголовно-правового характера. Рассматривая уголовную ответственность только как обязанность лица, совершившего преступление, подвергнуться неблагоприятным уголовно-правовым последствиям, придется отказать этому лицу в возможности реализации права на освобождение от нее, права на ее досрочное прекращение, права на ее изменение в процессе реализации.

Признание совокупности правоотношений уголовной ответственностью неоправданно сужает содержание охранительных правоотношений. Однако при таком подходе в ее сферу включаются и уголовно-процессуальные правоотношения, что позволяет признать существование уголовной ответственности уже на стадии применения мер ее процессуально-принудительного обеспечения.

Последнего не происходит при определении уголовной ответственности как осуждения. В этом случае возникновение уголовной ответственности связывается с моментом вынесения обвинительного приговора, а все предшествующие этому процессуальные действия расцениваются в качестве мер, направленных на обеспечение «нормальной процессуальной деятельности по установлению объективных обстоятельств совершенного лицом деяния, на обеспечение возможной уголовной ответственности данного лица, если будут в полном объеме установлены уголовно-правовые основания ее применения»¹⁹. При таком понимании уголовной ответственности придется признать, что формулировки уголовного закона, предусматривающие возможность освобождения от нее на стадии предварительного следствия и судебного разбирательства до вынесения обвинительного приговора, являются терминологически неточными. Нельзя освободить от того, чего еще не существует. Следовательно, в соответствующих статьях УК РФ необходимо было бы указывать, что лицо освобождается, например, в связи с деятельным раскаянием не от уголовной ответственности, а от «мер процессуально-принудительного обеспечения возможности ее установления». Далее также придется признать, что от уголовной ответственности не могут освобождать ни следователь, ни прокурор, ни орган дознания. Это правомочие станет только прерогативой суда.

¹⁹ Хомич В.М. Указ. соч. С. 12.

Уязвимость каждой концепции позволила А.В. Уссу подвергнуть сомнению объективность самого феномена уголовной ответственности. Использование термина «уголовная ответственность» в тексте закона, по его мнению, объясняется потребностью в едином словосочетании, которое способно отразить всю совокупность возможных способов уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступление: наказание, условное осуждение, отсрочка исполнения приговора²⁰. При этом А.В. Усс не выходит за рамки представления об уголовной ответственности как об осуждении, поскольку упоминает о мерах, применяемых к лицу, признанному виновным в совершении преступления, оставляя без внимания предшествующие этому факту процессуальные стадии.

Наличие противоречий практически в каждой из рассмотренных концепций понимания сущности уголовной ответственности только подтверждает ее комплексный и многоплановый характер, определять который, возможно, правильнее было на основании учета совокупности разных факторов. При этом нельзя не обратить внимание на следующее обстоятельство. Большинство имеющихся концептуальных подходов к определению сущности уголовной ответственности учитывают меры воздействия, которые применяются государством к лицу, виновность которого установлена. С точки зрения материального права такая позиция представляется оправданной, но она не устраивает процессуалистов, которые обращают внимание на следующее противоречие. Обязанность лица подвергнуться мерам государственного принуждения вытекает из признания его виновным в совершении преступления. Этот факт может устанавливаться только судом. Освобождение лица от уголовной ответственности на досудебных стадиях (прекращение дела по нереабилитирующим основаниям) неконституционно, поскольку противоречит принципу презумпции невиновности²¹. Преодолеть отмеченное разногласие пытались с помощью выделения в уголовной ответственности процессуального аспекта, который рассматривался как

²⁰ См.: Усс А.В. К дискуссии о понятии уголовной ответственности в связи с проблемой нравственного осуждения преступника // Вопросы уголовной ответственности и наказания. Красноярск, 1986. С. 91.

²¹ См.: Сигалов Л.Е. Роль мер уголовно-процессуального характера при освобождении обвиняемого от уголовной ответственности // Применение норм уголовно-процессуального права. Свердловск, 1981. С. 124-125; Ларин А.М. Презумпция невиновности и прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Суд и применение закона. М., 1982. С. 93; Корневский Ю. Противоречит ли Конституции прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям? // Рос. юстиция. 1997. № 1. С. 19-20.

«обязанность лица, привлеченного к уголовной ответственности, отвечать в пределах предъявленного обвинения»²².

Возникновение противопоставления норм уголовного и уголовно-процессуального права в рассматриваемом аспекте было предопределено жесткой привязанностью уголовной ответственности к санкциям уголовного права. Вместе с тем нельзя забывать, что для появления возможности реализации мер, предусмотренных материальным правом, процессуальное право должно создать необходимые предпосылки – сформировать доказательственную базу, на основе которой применение материальных норм будет законным и обоснованным. Действия по сбору доказательств уполномоченными лицами и органами должны иметь под собой определенные правовые основания. Осуществляя свои полномочия, эти лица и органы исходят из «предположения о виновности» данного лица и не затрагивают конституционного принципа о признании человека виновным в совершении преступления только судом (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ). Отрицание существования уголовной ответственности на этой стадии лишает применение процессуальных мер воздействия к подозреваемому (обвиняемому, подсудимому) законных оснований. Приемлемых объяснений, почему разрешается применять к лицу эти меры, сторонники понимания уголовной ответственности как осуждения не только не дают, но и начинают противоречить сами себе. По мнению А.И. Санталова, «до вынесения обвинительного приговора уголовной ответственности нет, а есть процессуальный акт привлечения к ней (привлечения в качестве обвиняемого, подсудимого)»²³. Сомнительно, что указанные процессуальные акты могут выноситься в отсутствие уголовной ответственности, тем более не ясно, как можно привлечь человека к уголовной ответственности, если она пока еще не существует.

Разрешение противоречия в существовании «уголовной ответственности в материально-правовом смысле» и «уголовной ответственности в процессуальном смысле» Л.В. Головки видит во введении в закон понятия «освобождение от уголовного преследования»²⁴, синонимичного деятельности органов дознания, следователей, прокуроров по прекращению уголовного дела по реабилитирующим основаниям.

Предложение именовать освобождение лица во время предварительного следствия и судебного разбирательства «освобождением от уголовного

преследования» ничего не прибавляет к раскрытию сущности уголовной ответственности. Уголовная ответственность – понятие материального права, в то время как уголовное преследование – процессуальная деятельность, в ходе осуществления которой наряду с другими возможными реализуются меры, являющиеся сутью уголовной ответственности.

В соответствии с законом основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ (ст. 8). С точки зрения семантики значения слов «основа» и «основание» практически совпадают, и, следовательно, по УК РФ уголовная ответственность возникает с момента совершения преступления. По мнению В.М. Хомича, а также сторонников отождествления уголовной ответственности с осуждением, это происходит только с вынесением обвинительного приговора суда. В вопросе о времени возникновения уголовной ответственности УК РФ солидарен с учеными, рассматривавшими ее как правоотношение, поскольку с совершением преступления связывается момент зарождения охранительного уголовно-правового правоотношения.

Однако до тех пор, пока в деянии не установлены все признаки состава преступления, предусмотренные УК РФ, и не признана в установленном порядке виновность конкретного лица, уголовная ответственность не персонафицируется (поскольку можно допустить ошибку как при квалификации деяния, так и при выявлении лица, совершившего его). Но и неперсонафицированная уголовная ответственность существует. Иначе нельзя применять никакие процессуальные меры в обеспечение раскрытия преступления и выявления виновного.

Предложенное понимание уголовной ответственности отчасти согласуется с мнением П.С. Дагеля, считавшего, что «она устанавливается в законе путем издания соответствующей уголовно-правовой нормы или группы норм и существует «потенциально». Она реально возникает в результате совершения преступления. Какое-то время она может существовать скрыто, латентно. Посредством уголовно-процессуальных отношений она доказывается и индивидуализируется. Затем путем уголовно-процессуальных и исправительно-трудовых отношений уголовная ответственность реализуется»²⁵. Аналогично трактует уголовную ответственность Н.Ф. Кузнецова, считающая, что на стадии предварительного расследования правоограниче-

²² Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве. Владивосток, 1997. С. 55-56.

²³ Санталов А.И. Уголовно-правовые отношения и уголовная ответственность // Вестн. ЛГУ. Сер. Экономика, философия, право. Вып. 1. 1974. № 5. С. 128.

²⁴ См.: Головки Л.В. Освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного преследования: соотношение понятий // Гос. и право. 2000. № 6. С. 45-46.

²⁵ Дагель П.С. О принципе индивидуализации уголовной ответственности // Вест. ЛГУ. Сер. Экономика, философия, право. Вып. 2. 1974. № 11. С. 121.

ния выражаются в появлении у лица обязанности «отвечать за содеянное путем претерпевания связанных с наказанием лишений и ограничений»²⁶.

Таким образом, на всех стадиях существования охранительного уголовно-правового отношения, когда возможно освобождение от уголовной ответственности, именно оно и происходит. В зависимости от этапа прохождения дела оно может выливаться в форму либо постановления об освобождении от уголовного преследования, либо оправдательного приговора, либо обвинительного без назначения наказания.

В соответствии с нашим пониманием уголовной ответственности привлеченное к уголовной ответственности лицо оказывается в состоянии принудительной подверженности воздействию различных мер, предусмотренных отраслями права криминального цикла. В свою очередь уголовная ответственность – это особый правовой режим, предусматриваемый государством для защиты наиболее важных общественных интересов. Содержание уголовной ответственности составляет комплекс государственных мер реагирования, применяемых к лицу при нарушении охраняемых уголовным правом общественных отношений. Виды и объем использования этих мер зависят от обстоятельств дела и личности виновного. С субъективной стороны уголовная ответственность выступает как обязанность лица, на которого распространяется действие российского законодательства, подвергнуться предусмотренным законом мерам воздействия (не только уголовно-правовым, но и уголовно-процессуальным, и уголовно-исполнительным). В зависимости от процедурной стадии следует различать этапы осуществления уголовной ответственности: применения процессуальных мер, осуждения (с назначением наказания либо без назначения наказания), исполнения наказания, постпенитенциарных контрольно-наблюдательных мер. Отрицательную оценку поведения лица, совершившего преступление, нельзя рассматривать как отличительный признак именно уголовной ответственности. Такая оценка является свойством любой ответственности.

Реализация уголовной ответственности обеспечивается деятельностью различных органов и должностных лиц. В них включаются органы предварительного следствия и дознания, суд, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, органы внутренних дел и др.

Формами реализации уголовной ответственности являются меры уголовно-правового характера, основной из которых считается наказание.

---

²⁶ Курс уголовного права в 5-ти томах. Общая часть. Учение о наказании. М.: Зерцало, 2002. Т. 2. С. 11.

**Ю. А. Мергозитова,
Е. И. Майорова,
кандидаты юридических наук
(ВНИИ МВД России)**

КВАЛИФИКАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

В уголовном законодательстве России имеются правовые нормы, обеспечивающие возможность уголовно-правовой борьбы с организованной преступностью и противодействия процессу укрупнения и объединения организованных преступных групп и превращения их в преступные сообщества (преступные организации).

Согласно ст. 35 и 210 УК РФ в нашей стране криминализованы такие действия, как создание преступного сообщества (преступной организации), руководство им или входящими в него структурными подразделениями, а также создание объединения руководителей и представителей организованных групп и участие в них.

Таким образом, формально существует возможность противодействовать существующим в криминальной среде негативным тенденциям консолидации преступных группировок. Однако осуществление уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, связанных с деятельностью организованных преступных групп, а в особенности их наиболее опасной формы – преступного сообщества (преступной организации), с теоретической и практической точек зрения относится к наиболее сложным. Тем самым во многом объясняется и незначительное количество уголовных дел в отношении преступных сообществ (преступных организаций), направленных в суд в течение последних лет.

Анализ практики свидетельствует о том, что зачастую возникают проблемы, связанные с квалификацией содеянного. Следователи и оперативные работники, уделяя значительное внимание установлению обстоятельств конкретных преступных посягательств, оставляют без внимания признаки преступного сообщества (организации), динамику его формирования, характер взаимоотношений между соучастниками, продолжительность преступной деятельности.

В свою очередь суды первой инстанции, не соглашаясь с данной следователями квалификацией, указывают, что для признания преступного формирования преступным сообществом требуется ряд объективных и субъективных признаков: установление у виновных лиц прямого умысла на созда-

ние и руководство им или участие в нем, сплоченность его членов, строгое иерархическое организационное построение, распределение ролей, планирование и выработка направлений преступной деятельности, создание условий для успешного функционирования сообщества, наличие системы конспирации и защиты от воздействия правоохранительных органов, связи с коррумпированными должностными лицами.

Уголовная ответственность за рассматриваемый вид преступной деятельности предусмотрена ст. 210 УК РФ, которая в свою очередь применяется с учетом положений ст. 35 УК РФ. Объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие основы общественной безопасности.

Организация преступного сообщества (преступной организации) является по конструкции объективной стороны формальным составом, т. е. не предусматривает наступление общественно опасных последствий. Причем ответственность по этой статье наступает независимо от того, совершило ли лицо в рамках преступного сообщества (преступной организации) какое-либо конкретное преступление. Такая законодательная конструкция обусловлена заключенной в самом факте существования преступного сообщества (преступной организации) серьезной угрозой для общества и общественной безопасности.

В соответствии со ст. 35 УК РФ *преступное сообщество (организация)* – наиболее опасная форма соучастия. Она определяется как *сплоченная организованная группа лиц (либо объединение таких групп), созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений*. В теории уголовного права существует следующее определение преступного сообщества (преступной организации): объединение нескольких организованных групп, их организаторов, руководителей, представителей организованных групп, связанных общими условиями преступной деятельности, созданное для совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Это особый вид организованной группы – сложная организованная группа. Таким образом, в основе понятия *преступного сообщества* лежит понятие *организованной группы* (признаки которого детализированы в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г.). Поэтому преступное сообщество (преступная организация) обладает всеми признаками организованной группы, предусмотренными в ст. 35 УК РФ: наличие двух или более лиц, предварительная согласованность, устойчивость.

Анализ содержащегося в ч. 4 ст. 35 УК РФ понятия *преступного сообщества (преступной организации)* позволяет выделить также и *специфические, присущие исключительно преступному сообществу (преступной организации), признаки*:

сплоченность;
многоуровневая система организации и управления;
цель совершения тяжких или особо тяжких преступлений.

Сплоченность, т.е. организационное и психическое единство устремлений лиц, входящих в преступную организацию, характеризуется тесным взаимодействием членов преступного сообщества (преступной организации), распределением обязанностей (или сфер влияния) не только между членами сообщества (организации), но и между группами или структурными подразделениями.

Исходя из законодательного определения преступного сообщества (преступной организации), можно выделить два основных способа их формирования. Сообщество (организация) может образоваться из организованной группы путем ее разрастания и структуризации либо как объединение организованных групп под общим руководством. Причем это может быть как внешнее руководство, так и подчинение себе одной организованной группой других. Следовательно, и в том, и в другом случае присутствует не одноуровневая система организации и управления как в организованной группе, а многоуровневая.

Наличие цели на совершение тяжких или особо тяжких преступлений не исключает возможности совершения преступлений небольшой или средней тяжести при осуществлении организационной и приговорительной деятельности.

Объективная сторона рассматриваемого преступления заключается в различных по характеру деяниях – *организации* преступного сообщества (преступной организации) и *участия* в нем.

Действия по организации, предусмотренные ч. 1 ст. 210 УК РФ, могут представлять собой:

создание преступного сообщества (преступной организации);
руководство таким сообществом (организацией);
руководство входящими в него структурными подразделениями;
создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп.

Участие может заключаться в следующих действиях, указанных в ч. 2 ст. 210 УК РФ:

участие в преступном сообществе (преступной организации);
участие в объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп.

Создание преступного сообщества (преступной организации) представляет собой образование данного преступного формирования. Конкретные действия, состоящие в создании сообщества, выражаются во взаимном сго-

воре участников, определении источников финансирования и т. п. Создание преступного сообщества (преступной организации) считается оконченным преступлением с момента завершения его образования.

Руководство преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него структурными подразделениями включает в себя принятие решений, связанных с планированием, материальным обеспечением и организацией их преступной деятельности, а также с совершением ими конкретных преступлений.

Руководство преступным сообществом (преступной организацией) может осуществляться в форме управления участниками уже образованного преступного формирования, распределения и перераспределения функциональных обязанностей между ними, поддержания внутригрупповой дисциплины, вовлечения в формирование новых членов, предотвращения выхода из формирования отдельных участников, установления связей с должностными лицами.

Руководство структурным подразделением отличается от руководства сообществом уровнем управления, который определяется самим структурным подразделением с учетом его возможностей.

Создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп аналогично понятию создания преступного сообщества (преступной организации). Данное деяние считается оконченным с момента установления организатором, руководителем или иным представителем организованной группы устойчивых связей не менее чем с одним организатором, руководителем или иным представителем другой организованной группы либо с момента установления таких связей с лицом, не входящим в какую-либо организованную группу.

Участие в преступном сообществе (преступной организации) может проявляться в форме вступления лица в преступное сообщество (преступную организацию), совершения по заданию организатора, руководителя сообщества преступления, установления контактов с должностными лицами, которые в силу своего служебного положения имеют возможность содействовать деятельности сообщества, совершению его участниками преступлений, уклонению организаторов, руководителей и участников сообщества от уголовной ответственности.

Вступление лица в преступное сообщество (преступную организацию) заключается в даче согласия на членство в данном сообществе (организации) либо в принятии на себя обязательств и функциональных обязанностей, возлагаемых организатором или руководителем сообщества, а также в разработке способов и приемов совершения преступлений.

Непосредственное участие может выражаться в совершении конкретных преступлений в рамках преступного сообщества (преступной организации), которые не охватываются данным составом, а требуют дополнительной квалификации по совокупности преступлений, а также в действиях, направленных на его финансирование, обеспечение техническими средствами, оружием, транспортом, в приискании объектов посягательства и прочее.

Участие в объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп заключается во вступлении лица в объединение, созданное для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, и принятии им как на себя лично, так и на всю представляемую им организованную группу и ее членов тех же функциональных обязанностей, а также в разработке совместно с другими участниками объединения планов и создании условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений.

Субъектами преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, могут быть физические вменяемые лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста. Участвовавшие в составе преступного сообщества (преступной организации) либо совместно с его членами в совершении преступлений лица в возрасте от 14 до 16 лет подлежат ответственности только за те деяния, ответственность за которые в соответствии со ст. 20 УК РФ предусмотрена с 14 лет.

Признаки субъекта квалифицированного состава (ч. 3 ст. 210 УК РФ) следует определять исходя из разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который в своем постановлении от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» указал, что следует понимать под совершением преступления с использованием своего служебного положения. Таким образом, должно расцениваться использование лицом своих властных или иных служебных полномочий, форменной одежды и атрибутов, служебных удостоверений или оружия, а равно сведений, которыми оно располагает в связи со своим служебным положением, при подготовке или совершении преступным сообществом (преступной организацией) конкретных преступлений либо при финансировании его преступной деятельности, вооружении, материальном оснащении, подборе новых членов организации и т. п.

Субъективная сторона преступления предполагает вину в виде прямого умысла. Виновный осознает, что он совершает действия по созданию или руководству преступным сообществом, его структурными подразделениями или создает объединение организаторов преступных организованных групп с целью совершения тяжких и особо тяжких преступлений либо участвует в таком сообществе (организации) и желает совершить такие действия.

При квалификации деяний следует обратить внимание на то, что организаторы и руководители преступного сообщества (а также лица, создавшие организованное формирование любого уровня либо руководившие им) подлежат ответственности по ст. 210 УК РФ за его организацию и руководство им. Кроме того, в соответствии с ч. 5 ст. 35 они несут ответственность по совокупности ст. 210 и соответствующих статей Особенной части УК за все совершенные этим формированием преступления (если признаки деяния охватывались их умыслом).

Другие участники организованного преступного формирования несут ответственность за участие в нем по ч. 2 ст. 210, а также – по совокупности преступлений – за совершенные формированием преступления, в подготовке либо совершении которых они принимали участие.

Кроме того, на практике у следователей часто возникает вопрос о том, подлежит ли уголовной ответственности по ч. 2 ст. 210 УК РФ организатор, непосредственно принимавший участие в совершаемых членами созданного им преступного сообщества конкретных преступлениях. Действия по созданию и руководству преступной организацией являются разновидностью участия в этой организации. Поскольку преступное сообщество (преступная организация) является одной из форм соучастия, то к ним применяются все положения УК РФ об ответственности соучастников (ст. 32 – 36 УК РФ). Поэтому действия организаторов подлежат квалификации только по ч. 1 ст. 210 УК РФ и дополнительной правовой оценки тех же действий по ч. 2 той же статьи не требуется.

Определенные трудности при квалификации вызывает зачастую отграничение организации преступного сообщества (преступной организации) от бандитизма (ст. 209 УК РФ) и организации незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ). Это объясняется отсутствием единого признака, по которому можно было бы отграничить эти составы преступлений друг от друга. В каждом отдельном случае следует исходить из всей совокупности обстоятельств, характеризующих содеянное.

Представляется возможным выделить основные критерии отличия рассматриваемого состава от бандитизма. К ним относятся:

обязательное наличие оружия, вооружения при бандитизме и отсутствие такого обязательного признака у преступного сообщества (преступной организации);

определенная законодателем в качестве обязательного признака субъективной стороны цель бандитизма – нападение на граждан или организации, тогда как в организации преступного сообщества (преступной организации) целью является совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Кроме того, банда представляет собой вооруженную организованную группу, а преступное сообщество (преступная организация) обладает специфическими признаками, которые назывались выше при рассмотрении объективной стороны состава.

Возможна ситуация, когда объединяются для разработки планов и условий дальнейшей деятельности руководители банд. В таком случае их действия предусмотрены ч. 1 ст. 210 УК РФ. При квалификации деяний членов объединившихся преступных группировок (в том числе и бандгрупп) необходимо учитывать, осознавался ли ими факт совместности или согласованности деятельности с другой группой (группами).

В части отграничения *организации преступного сообщества* (преступной организации) от *организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем* (ст. 208 УК РФ) можно указать на следующие различия:

для организации незаконного вооруженного формирования необходимо наличие оружия, вооружения, чего не требуется для организации преступного сообщества (преступной организации);

целью организации преступного сообщества (преступной организации) является совершение тяжких или особо тяжких преступлений, что не присуще целям преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ.

Создание организованных преступных формирований или руководство ими в целях совершения иных (т. е. не являющихся тяжкими и особо тяжкими) преступлений не образует состава преступления, ответственность за которое предусматривает ст. 210 УК РФ. Такие формирования вне зависимости от сплоченности именуется в уголовном законодательстве организованными группами (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Их образование (создание) квалифицируется как приготовление к преступлениям, ради совершения которых создается группа.

Этим обусловлен складывающийся на практике подход к квалификации содеянного участниками рассматриваемых преступных формирований только по совокупности ст. 210 УК РФ с составами других преступлений, предусмотренных Особенной частью УК.

При квалификации преступлений, совершаемых преступными сообществами (преступными организациями), следует устанавливать все названные признаки, присущие данной форме соучастия, с тем, чтобы можно было вменить виновным совокупность преступлений – конкретный состав совершенного организацией (сообществом) деяния и ст. 210 УК РФ.

О. И. Цоклова,
кандидат юридических наук, доцент;
Е. А. Нагаев,
кандидат юридических наук
(ВНИИ МВД России)

О НАГРУЗКЕ НА СЛЕДОВАТЕЛЯ

На протяжении последних двадцати пяти лет научными подразделениями органов внутренних дел страны периодически проводились исследования по расчету нагрузки работников следственного аппарата. В 1989 г. приказ МВД СССР № 225 закрепил следующий норматив: 35-40 уголовных дел в производстве на одного следователя в год. В 1994 г. этот норматив приказом МВД России № 107 был изменен и составил 30 уголовных дел на одного следователя в год. В 1999 г. приказом МВД России № 1 приказ № 107 был отменен. В настоящее время не установлено никаких нормативов по оптимальной нагрузке на одну штатную единицу следователя в год.

В соответствии с ранее проведенными исследованиями¹ было установлено, что 34,7 % следователей указывает на большое количество находящихся в производстве уголовных дел, на сложность и объемность дел – 30 %. Значительное число следователей, критически оценивая собственные возможности, указывали на отсутствие у них необходимого опыта (21,3 %), недостаточный уровень образования (2,7 %), неумение правильно планировать рабочий день (13,3 %), а также формальное осуществление наставничества или его отсутствие (8 %).

В числе организационно-управленческих недостатков, непосредственно влияющих на нагрузку, названы: неудовлетворительные условия работы (42,1 %), плохая обеспеченность бланками процессуальных документов (32,7 %) и нормативными (вспомогательными) материалами, включая законодательные акты (29,3 %), отсутствие транспорта (47,3 %), отвлечение на мероприятия (патрулирование, рейды и т. п.), не связанные с работой следователя, (56 %), территориальная удаленность следственного подразделения от других правоохранительных органов (32,7 %). Кроме того, 24 % оп-

¹ См.: Жулев В.И., Константинов В.И., Тореев Н.Ю. О причинах, препятствующих рациональному использованию сил и средств на предварительном следствии // Бюллетень ГСУ МВД СССР. 1988. № 3(56). С. 19; Жулев В.И. Законность и проблема процессуальной экономии // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сб. научн. трудов. М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. С. 3.

рошенных следователей в числе недостатков, затрудняющих работу, отметили вмешательство со стороны руководителей горрайорганов внутренних дел, следственных подразделений, а 93 % указали на необходимость улучшения взаимодействия с оперативными службами.

Также ранее проведенный анализ распределения бюджета рабочего времени следователей свидетельствует о том, что основная его часть тратится на производство допросов (52 %), осмотров и освидетельствований (11 %), обысков, выемок и следственных экспериментов (11 %) и иные следственные действия (26 %).

Наряду с этим проведенные исследования обнаружили трудоемкость технической работы, которая выполняется следователем при расследовании любого преступления. В среднем на составление различных справок и запросов, систематизацию и подшивку материалов, ответы и иные производительные отвлечения от расследования по одному уголовному делу тратится около 9 часов, т. е. целый рабочий день. Если же к этому добавить время, которое уходит на совещания, заседания, поездки по вызовам в вышестоящие инстанции и другие мероприятия, не связанные с расследованием, затраты возрастают соответственно в 2-3 раза.

При этом 78,4 % следователей указывали, что они не успевают в рабочее время выполнить всю запланированную на день работу, 74 % систематически задерживаются на работе свыше 1 часа, 64 % иногда работают в выходные дни, а 31 % делают это систематически.

После вступления в силу УПК РФ нагрузка на следователя несомненно возросла. Значительно увеличились временные затраты на выполнение процессуальных действий: возбуждение уголовного дела с согласия прокурора; получение судебного решения об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения; ознакомление участников процесса с материалами уголовного дела и др. Следственные действия с участием подозреваемого и обвиняемого, как правило, выполняются только в присутствии защитника, что требует согласования времени проведения этих мероприятий с адвокатом. Увеличилось с 65 285 до 146 512 уголовных дел (более чем в два раза) переданных прокурором из органов дознания следователям ОВД, что также негативно отразилось на загруженности следователей.

Работая в условиях повышенной загруженности, стремясь выполнить все требования нового УПК и не допустить при этом нарушений законности, следователи вынуждены перерабатывать, систематически затрачивая на работу свое личное время. Опрос следователей органов внутренних дел, проведенный в 2002 г. в разных регионах страны, показал, что переработка составляет до 20 часов в месяц.

Так, анализ положений ст. 146 УПК РФ, а также практика ее применения свидетельствуют в целом ряде случаев о существенных временных затратах, связанных с получением согласия прокурора на возбуждение уголовного дела. Только за июль-ноябрь 2002 г. на процедуру получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела (при среднероссийском показателе временных затрат на эту процедуру 3 часа) израсходовано почти полтора миллиона часов (1 455 000 часов, или 181 875 рабочих дней).

Например, для получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела № 22652 в Кытмановском РОВД Алтайского края в связи с удаленностью от райцентра на 50 км было затрачено 8 часов. В Яровском РОВД Алтайского края этот срок в ряде случаев занимал до пяти дней. В некоторых районах Свердловской и Липецкой областей для получения согласия на возбуждение уголовного дела требуется от 3 часов до двух суток².

В 2002 г. число уволенных из следственных органов ОВД возросло и составило 6409 человек (в 2001 г. – 5,9 тыс. человек), кроме того, были откомандированы в другие службы и подразделения 2962 человека (в 2001 г. – 2,3 тыс. человек). В связи с этим «омолодился» личный состав следственных подразделений: почти на 3 % возрос показатель сотрудников, проработавших в следствии до 3 лет. Доля уволившихся следователей из органов внутренних дел в 2002 г. на первом году службы возросла и составила 3,5 % (АППГ – 3,3 %). Из года в год растет удельный вес женщин-следователей. На 1 января 2003 г. он составил 46,5 % (АППГ – 44,4 %).

При этом в соответствии с п. 7.4.7 приказа МВД России от 4 января 1999 г. № 1 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 г. № 1422» (с изм. и доп. приказами МВД России от 2 ноября 1999 г. № 859; от 17 августа 2000 г. № 872; от 11 февраля 2001 г. № 140; от 5 ноября 2001 г. № 975) необходимо рационально использовать рабочее время следователей, исключить привлечение к осмотрам места происшествия по преступлениям, не отнесенным к их подследственности, проверкам несения службы нарядами патрульно-постовой службы, соблюдения паспортного режима, патрулированию, рейдам и выполнению других несвойственных функций, сосредоточив все силы и средства органов предварительного следствия на расследовании преступлений.

Нагрузка на следователей органов внутренних дел при этом весьма велика: в 2002 г. она составила 43,9 уголовных дела, из которых были окончены расследованием 34,1 уголовных дел.

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что следствие как динамическая система находится в сложном состоянии. Прослеживается четкая зависимость: возрастание нагрузки на следователя – низкий уровень оплаты труда – отток квалифицированных кадров – снижение качества работы – уклонение лиц, совершивших преступления от ответственности, – рост в сознании части населения чувства безнаказанности – совершение новых, более тяжких преступлений – возрастание нагрузки на следователя. Если не удастся разорвать данный «замкнутый круг», преступность в стране может выйти на новый, более высокий уровень, а отлаженная система следственных аппаратов разрушиться.

Имеется объективная необходимость внесения коррективов в утвержденные ранее нормативы нагрузки на следственных работников, приблизить их к научно обоснованным, учитывающим изменения в характеристике преступности, усложнение процесса предварительного следствия и доказывания по уголовным делам, качественный состав кадрового корпуса следственного аппарата и др.

Приказ МВД России от 23 ноября 2002 г. № 1150 «О введении в действие систем оценки деятельности органов внутренних дел, отдельных подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования» в Приложении № 5 установил систему оценки деятельности органов предварительного следствия. В соответствии с этим приказом к количественным показателям относятся следующие.

1. Количество уголовных дел:

- а) нагрузка на одного сотрудника следствия по расследованным уголовным делам;
- б) нагрузка на одного сотрудника следствия по делам, направленным в суд;
- в) доля уголовных дел, направленных в суд, в числе оконченных дел.

2. Число обвиняемых в расчете на 1000 уголовных дел, направленных в суд.

Чем выше названные показатели, тем лучшим считается результат работы органа предварительного следствия.

Качественные показатели включают в себя:

- 1) количество уголовных дел, возвращенных прокурором для дополнительного следствия;
- 2) количество приостановленных уголовных дел;
- 3) число лиц, производство в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям, а также оправданных судом;

² См.: Аналитическая справка СК при МВД России об итогах работы органов предварительного следствия за 2002 год.

4) количество уголовных дел, оконченных с превышением срока следствия.

Возрастание численного индикатора названных показателей указывает на снижение качества работы следственного органа.

Соотношение количественного и качественного показателей работы следственного аппарата в целом обратно пропорционально: повышение количественных показателей приводит к снижению качественных показателей, в частности, возрастают сроки следствия, а также количество уголовных дел, возвращенных прокурором для дополнительного расследования с целью устранения нарушений, имевших место при первоначальном расследовании уголовного дела.

«Погоня» за количественным показателем числа расследованных уголовных дел и направленных в суд уголовных дел не должна становиться самоцелью, так как чрезмерная нагрузка на следователя препятствует реализации задач уголовно-процессуальной деятельности, к которым относятся защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод, уголовное преследование и справедливое наказание виновных, реабилитация невинных (ст. 6 УПК РФ). Реализация указанных задач требует повышения качества работы, а не роста количественных показателей.

Вместе с тем недостаточная загрузка следователей по количеству уголовных дел, находящихся в производстве, в целом не способствует повышению качества следствия, так как на этот показатель влияет не только загрузка следователя, но и множество иных разнообразных факторов: объем и сложность уголовных дел, образование следователя, опыт работы, добросовестность, знание законов, умение наладить контакт с людьми, контроль со стороны руководства, прокурорский надзор и многое другое. Это указывает, что не следует стремиться к чрезмерному расширению штатов и к тому, чтобы в производстве следователя находилось по 1-2 уголовных дела, не представляющих повышенной сложности для расследования. Эффективность работы при этом не повышается, сроки расследования не сокращаются.

Изложенное свидетельствует о том, что количественный показатель оптимальной нагрузки на следователя должен существовать и должен быть закреплен в ведомственном приказе МВД России. Этот показатель должен обозначать то число уголовных дел, находящихся в производстве у следователя, которое позволяет проводить расследование в установленные законом сроки (без необоснованных продлений), без нарушений законности,

при объективном установлении обстоятельств дела, с формированием максимально возможной доказательственной базы по делу.

Показатель оптимальной нагрузки по количеству расследованных уголовных дел не должен означать, что в производстве каждого следователя должно находиться именно такое количество уголовных дел. При росте числа зарегистрированных преступлений и числа возбужденных уголовных дел этот показатель может быть превышен. Однако если он превышает постоянно, это свидетельствует о необходимости увеличения штата следователей в данном следственном подразделении, так как чрезмерные нагрузки приведут к оттоку следственных кадров, снижению качества следствия. Систематическое отставание от показателя оптимальной нагрузки может свидетельствовать как о превышении необходимой штатной численности следователей, так и о нарушении регистрационной дисциплины и необоснованных отказах в возбуждении уголовных дел.

Таким образом, показатель оптимальной нагрузки на следователей рассматривается нами исключительно как рекомендация.

При определении оптимальной нагрузки на следователя учитывается целый ряд факторов.

1. Ранее показатели нагрузки рассчитывались за год. Поскольку срок следствия без продления не превышает двух месяцев, количество уголовных дел, находящихся в производстве у следователя, может существенно различаться по месяцам. Это указывает, что норматив нагрузки должен быть рассчитан не только на год, но и на месяц.

2. Уголовные дела кардинальным образом различаются между собой, нет двух одинаковых дел. Различие определяется прежде всего количеством обвиняемых, привлекаемых по делу. В отношении каждого лица, привлекаемого по делу, должно проводиться доказывание и выполняться процессуальные действия.

Полагаем, что определение оптимальной нагрузки следователя должно проводиться из расчета на уголовное дело, по которому привлекается один обвиняемый. Однако при определении реальной нагрузки, выполненной конкретным следователем, должен использоваться коэффициент, соответствующий числу обвиняемых, привлекаемых по каждому уголовному делу.

Было бы правильным ввести количественный показатель числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности, в критерии оценки деятельности следственных органов, и при этом возрастание числового индекса оценивать как положительную динамику.

3. Уголовные дела существенным образом различаются и по количеству преступных эпизодов, по которым предъявляется обвинение. Не вызывает

сомнений, что доказывание по каждому преступному эпизоду требует самостоятельных затрат процессуального времени.

Расчет нагрузки на следователя необходимо проводить исходя из того, что по одному уголовному делу расследуется один преступный эпизод. Однако при определении реальной нагрузки, которую выполняет конкретный следователь, должен быть введен коэффициент, соответствующий количеству преступных эпизодов, по которым осуществляется расследование по данному конкретному уголовному делу. Такой коэффициент не позволит приравнять расследование сложного объемного уголовного дела к простому, не требующему значительных временных затрат.

Показатель количества расследованных преступлений, наряду с количеством уголовных дел, также можно было бы ввести в критерии оценки деятельности следственных органов и расценивать возрастание этого количества как положительную динамику.

4. Возможно возражение, что уголовные дела по сложности, объему и особенностям доказывания вообще не поддаются никакому количественному сравнению, и затраты процессуального времени даже по расследованию одного преступного эпизода завуалированного финансового мошенничества несравнимы с затратами при расследовании общеуголовного преступления.

Полагаем все же, что расследование каждого преступления и привлечение к уголовной ответственности каждого обвиняемого требует тщательной квалифицированной работы, проведения допросов, экспертиз, решения процессуальных вопросов и т.д., поэтому с учетом вышеназванных коэффициентов все же можно сравнивать работу следователей всех уровней.

Вместе с тем необходимо принять во внимание, что расследование особо значимых уголовных дел, определяющих уголовную политику, имеющих большой общественный резонанс, носит характер «штучной» работы и не может быть приравнено к обычной работе следователя. Это относится прежде всего к уголовным делам, находящимся в производстве следственных подразделений СК при МВД России. К следователям, занимающимся такой работой, показатель оптимальной нагрузки не применим вообще.

5. Должны учитываться как раскрытые, так и нераскрытые уголовные дела, расследование которых также требует от следователя максимальной сосредоточенности и значительных затрат рабочего времени. Таким образом, проводя расчеты нагрузки, следует исходить из количества уголовных дел, находящихся в производстве, а не из количества окончанных уголовных дел.

6. Показатели количества уголовных дел, находящихся в производстве следователей, в значительной мере отличаются по регионам, что определяется как количеством совершенных преступлений, так и практикой возбуждения уголовных дел. Показатель оптимальной нагрузки будет средним для всей страны и для всех следственных органов, но, повторимся, он должен носить рекомендательный характер, при этом реальная нагрузка может отличаться от него в значительной мере.

7. Выше было указано на значительную перегрузку следователей и переработку за счет личного времени, что необходимо учитывать при расчете искомого показателя. Статистические данные о количестве расследованных уголовных дел нуждаются, таким образом, в существенной корректировке, так как работа следователя должна осуществляться с нормальной интенсивностью труда и с соблюдением норм трудового законодательства.

8. Весьма сложно поддается учету, но, тем не менее, должно быть принято во внимание то обстоятельство, что далеко не все сотрудники следственных органов непосредственно занимаются расследованием уголовных дел: к таковым относятся руководители, методисты и др. Помимо этого, значительная доля женщин-следователей в общем количестве таковых, приводит к тому, что часть рабочих мест занята сотрудницами, находящимися в декретных отпусках.

9. Работа следователя претерпела весьма существенные изменения со вступлением в силу нового уголовно-процессуального закона, в связи с чем было бы некорректным принимать в расчет показатели, имевшие место до 2002 г. Вместе с тем и показатели прошедшего года недостаточно репрезентативны, так как практика пока не устоялась.

Возможны разные методики расчета оптимальной нагрузки на следователя.

1. Можно исходить из количества уголовных дел, расследованных следователями органов внутренних дел в течение года, и штатного количества следователей.

2. Можно исходить из количества времени, которое следователь затрачивает на расследование одного преступления, привлекая к ответственности одного обвиняемого.

Отметим сразу, что вторая методика расчета представляется нам более объективной, однако требует дополнительных репрезентативных данных, о чем будет сказано ниже.

Согласно разработанной методике расчета штатной численности следственного аппарата органов внутренних дел необходимая в 2002 г. численность следователей ОВД составляла 70 125 человек.

Данный факт позволяет сделать следующие выводы:

1. Реальная штатная численность следственного аппарата составляет 75 % от необходимой. Следует отметить, что штатная численность органов предварительного следствия МВД с 8,5 тыс. в 1964 г. увеличилась до 52,4 тыс. штатных единиц в 1999 г.³

2. Сохранение указанной диспропорции в штатной численности приведет к дальнейшему ухудшению показателей работы следственного аппарата, что в конечном итоге отрицательно скажется и на результатах борьбы с преступностью в целом по стране.

Расчет нагрузки на одного следственного работника по расследованным уголовным делам в 2002 г. составляет 24,4 уголовных дела.

Удельный вес числа расследованных уголовных дел от находившихся в производстве следователей органов внутренних дел в 2002 г. составил 77,76 %.

Норматив нагрузки на следователей по находящимся в производстве уголовным делам к нормативу нагрузки по числу расследованных дел составил 31,17 уголовных дела.

Таким образом, исходя из первой методики, 31 уголовное дело в производстве за год составляет оптимальную нагрузку на одну штатную единицу следователя. Соответственно, в месяц нагрузка составляет 2,6 уголовных дела в производстве на одного следователя.

При этом исходя из статистических данных⁴, реальная нагрузка по количеству находившихся в производстве дел на одну штатную единицу следователя составляет:

1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
43,2 дела	44,4 дела	50,9 дел	46,8 дел	48 дел	43,9 дел

В 2002 г. 3,7 уголовных дела в месяц приходилось на одного следователя органов внутренних дел.

Используя вторую методику определения оптимальной нагрузки на одну штатную единицу следователя, необходимо учитывать основные временные затраты, которые имеют место при расследовании уголовного дела с

³ См.: Постановление Правительства РФ от 5 февраля 1999 г. № 126 (изм. от 6 октября 1999 г.) «О численности органов предварительного следствия в системе министерства внутренних дел Российской Федерации и оплате труда их сотрудников» // Российская газета. 1999. № 29. 16 февр. (изм. – Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. 18 окт. Ст. 5043).

⁴ Статистические данные взяты из информационных бюллетеней Следственного комитета при МВД России по годам.

одним эпизодом в отношении одного обвиняемого. В данном случае учитывается время, непосредственно затраченное на производство следственных и иных процессуальных действий, составление процессуальных документов, а также на решение организационных вопросов (выезд на место происшествия, в прокуратуру, получение корреспонденции и т. д.).

Таким образом, используя вторую методику, в год с обвинительным заключением оканчивается 22,9 уголовных дела. Как видно, эта цифра несколько отличается от вышеуказанной (24,4 уголовных дела в год). Если рассчитывать из этой цифры число уголовных дел, которые могут находиться в производстве следователя, получаем 29,7 уголовных дела, или 2,5 уголовных дела в месяц.

В соответствии с вышеизложенным предлагается дополнить приказ МВД России от 4 января 1999 г. «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 г. № 1422» следующим нормативом по оптимальной нагрузке на одну штатную единицу следователя: 30 уголовных дел в год; 3 уголовных дела в месяц. Данное предложение в марте 2003 г. было направлено в СК при МВД России.

Вместе с тем говоря на сегодняшний день о нагрузке на одну штатную единицу следователя, следует учитывать Указ Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 306⁵ в области совершенствования государственного управления и реализации государственной политики в области контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также выявления, предупреждения и пресечения налоговых преступлений и правонарушений, в соответствии с которым с 1 июля 2003 г. Федеральная служба налоговой полиции Российской Федерации (ФСНП) будет упразднена.

В 2002 г. количество находящихся в производстве дел на одну штатную единицу следователя ФСНП составило 13,1, из них расследовано – 9,8⁶.

Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что рассматриваемый норматив по оптимальной нагрузке на одну штатную единицу следователя органов внутренних дел в 2003 г. существенно увеличится и составит около 40 уголовных дел.

⁵ См.: Указ Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 306 «Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации» // Российская газета. 2003. № 55. 25 марта.

⁶ Статистические данные Информационно-аналитического управления Следственного комитета при МВД России за 2002 год.

В. В. Николук,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России;
Д. В. Осипов,
кандидат юридических наук, доцент
(ВНИИ МВД России)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАБОТЫ
ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ
И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДОЗНАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
ИЛИ С ИХ УЧАСТИЕМ**

Необходимость определения путей совершенствования работы органов предварительного следствия и подразделений дознания милиции общественной безопасности (МОБ) по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними или с их участием, обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, закон предъявляет повышенные требования к качеству предварительного следствия и дознания по делам несовершеннолетних, соблюдению специальных правил производства следственных действий с участием подростков, обеспечению их прав и законных интересов, к принятию мер воспитательного и профилактического характера к каждому несовершеннолетнему.

Во-вторых, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации теперь не содержит требования об обязательности предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних. Статья 150 УПК РФ не дифференцирует формы предварительного расследования в зависимости от субъекта преступления, а прокурор вправе поручить производство дознания и по другим преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенных несовершеннолетними (п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК).

В связи с этим расширяется круг уголовных дел, подследственных органам дознания, в том числе и за счет отнесения к их компетенции уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних.

В-третьих, появились и распространяются новые виды преступлений, свидетельствующие об активном вовлечении несовершеннолетних в сферы взрослой преступности, в том числе организованной. Это торговля оружием, наркотиками, притонсодержательство, сутенерство, похищение людей, мошенничество, преступления с применением огнестрельного оружия.

В работе органов предварительного следствия в системе МВД России уголовные дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, составляли в 2001 г. 14,2 % от числа оконченных, или каждое седьмое уголовное дело.

Возможности правоохранительных органов достаточно эффективно реагировать на факты вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления ограничены недостатком их сил и средств, а также отсутствием эффективного взаимодействия с органами, на которые законом возложены обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетних.

В ходе проведенного исследования была изучена судебная практика по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними или с их участием, а также материалы, представленные руководителями органов предварительного следствия в системе МВД России и подразделений дознания МОБ субъектов Российской Федерации (Республики Карелия, Ставропольского края, Владимирской, Волгоградской, Воронежской, Калужской, Костромской, Московской, Омской, Орловской, Пермской областей, г. Москвы).

Обобщение практики производства предварительного следствия и дознания по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, позволило сделать вывод о том, что она нуждается в совершенствовании по следующим позициям.

Новым Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации к компетенции органов дознания отнесено расследование преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 150 УК РФ. В связи с этим в отдельных регионах (например, во Владимирской области) при расследовании преступлений, связанных с участием несовершеннолетних, следователями стали выделяться в самостоятельное производство уголовные дела в отношении взрослых лиц, вовлекших подростков в совершение преступления, и передаваться для расследования в отделения дознания.

Такую практику нельзя назвать правильной, поскольку двумя разными службами одновременно проводятся два параллельных расследования в отношении одного лица. При этом материалы выделенного уголовного дела нередко страдают неполнотой, что невыгодно отличает их от основного уголовного дела, в котором и содержатся необходимые доказательства в отношении лица, вовлекшего несовершеннолетнего в совершение преступления. При производстве дознания приходится дублировать собирание доказательств, что создает дополнительную нагрузку для личного состава подразделений дознания МОБ.

Ведомственными приказами МВД России подразделениям по предупреждению правонарушений несовершеннолетних (ПППН) предписываются действия, направленные главным образом на пресечение и раскрытие преступлений, а не на их предотвращение, что вряд ли оправдано. Статистика свидетельствует о распространенности групповых преступлений, совершаемых только несовершеннолетними, так и с участием взрослых лиц.

Из общего числа расследованных преступлений в 1999 г. 9,6 % совершены несовершеннолетними и при их соучастии, 20,5 % – в группе¹.

Оперативно-розыскные и профилактические мероприятия дают возможность выявить такие сложившиеся смешанные группы. В этих случаях перед подразделениями дознания милиции общественной безопасности встают две взаимосвязанные задачи: предотвратить возможность вовлечения взрослым лицом несовершеннолетнего в совершение преступления или другого антиобщественного действия; привлечь «вовлекателя» за преступные действия в отношении несовершеннолетнего.

Учитывая, что в главе 50 УПК РФ содержатся специальные правила, касающиеся производства по делам несовершеннолетних, их реализация при расследовании преступлений в форме дознания имеет существенную специфику или вовсе затруднительна с учетом сокращенного срока дознания.

В этой связи заслуживает внимание опыт ГУВД Пермской области, где для более глубокого изучения нового уголовно-процессуального законодательства и качественной подготовки дознавателей, на которых возлагаются обязанности по расследованию преступлений несовершеннолетних, разработаны «Методические рекомендации по проведению дознания по делам о преступлениях несовершеннолетних» с разъяснением в них следующих вопросов:

- 1) рассмотрение и разрешение дознавателями заявлений (сообщений) о преступлениях несовершеннолетних;
- 2) порядок передачи материалов проверки дознавателем заявления (сообщения) о преступлении несовершеннолетнего в орган предварительного следствия для производства следствия;
- 3) участие в дознании защитника и законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого;
- 4) особенности применения задержания и меры пресечения в виде отдачи несовершеннолетнего под присмотр;
- 5) окончание дознания и ознакомление несовершеннолетнего обвиняемого, его защитника, законного представителя с материалами дознания;
- 6) прекращение уголовного дела с применением принудительной меры воспитательного воздействия;
- 7) порядок передачи уголовного дела из органа дознания органу предварительного следствия при появлении достаточных данных, указывающих на объективные препятствия закончить дознание в установленные законом сроки, и др.

Обобщение практики применения ст. 90 УК РФ, ст. 427 УПК РФ в Красноярском крае и Омской области показало, что следователи по-

---

¹ См.: Чапурко Т.М. Уголовно-правовые проблемы предупреждения преступлений несовершеннолетних. Краснодар, 2000. С. 86-87.

разному интерпретируют основания и условия освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с применением принудительной меры воспитательного воздействия. Поскольку данный вид прекращения уголовных дел имеет сходство с прекращением уголовных дел в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), изменением обстановки (ст. 26 УПК РФ), деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), нередко смешиваются, подменяются основания прекращения уголовных дел в отношении несовершеннолетних, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести, исправление которых возможно без применения наказания.

В практике применения ст. 90 УК РФ, ст. 427 УПК РФ более чем в половине случаев уголовные дела прекращаются в отношении несовершеннолетних подозреваемых, хотя уголовно-процессуальный закон связывает принятие подобных решений только в отношении обвиняемых.

Процессуальный порядок применения к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия также имеет существенные особенности, касающиеся окончания предварительного следствия и направления материалов прекращенного дела в суд, что не всегда учитывается на практике.

Нет единообразия и в составлении следователями постановления о прекращении уголовного дела и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного характера. Иногда решения о прекращении уголовного дела и возбуждении перед судом соответствующего ходатайства оформляются разными процессуальными документами.

В этой связи представляет интерес опыт Главного следственного управления при ГУВД Красноярского края, где в целях обеспечения единообразия следственной практики в части освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия, соответствия ее положениям уголовного и уголовно-процессуального закона, упорядочения требований к составлению итоговых процессуальных документов подготовлены и разосланы во все органы предварительного следствия и дознания края «Рекомендации следователю, дознавателю, начальнику следственного отдела (отделения), органу дознания по применению норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующих прекращение уголовного преследования несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия».

Содержание данных рекомендаций составили положения, касающиеся:

- 1) понимания формально-юридических и фактических оснований принятия решений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в соответствии со ст. 90 УК РФ и ст. 427 УПК РФ;

2) преодоления конкуренции правовых норм, предусматривающих сходные виды прекращения уголовных дел (вследствие изменения обстановки, примирения сторон, деятельного раскаяния, с применением принудительной меры воспитательного воздействия);

3) процессуального порядка прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и возбуждения перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного воздействия;

4) составления постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и возбуждения перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного воздействия.

Составной частью таких рекомендаций стали разработанные на основе фактов конкретных уголовных дел различные варианты примерных образцов постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) с применением к несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного воздействия, призванные облегчить следователям, дознавателям составление таких процессуальных документов.

Учитывая, что на практике требования ч. 6 ст. 427 УПК РФ в части разъяснения несовершеннолетнему и его законному представителю права возражать против прекращения уголовного дела по этому основанию выполняются формально, а закон придает ему важное значение и рассматривает его в качестве одного из обязательных условий законности прекращения уголовного дела, в рекомендациях подробно рассмотрен порядок реализации положений ч. 6 ст. 427 УПК. Следователям, дознавателям предложено составлять отдельный протокол разъяснения несовершеннолетнему обвиняемому и его законному представителю оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) с применением принудительной меры воспитательного воздействия. Разработан и разослан примерный образец такого протокола.

На практике следователи, дознаватели испытывают затруднения в применении положений ст. 421 УПК РФ в части требования устанавливать при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего уровень его психического развития и иные особенности личности, а также ч. 3 ст. 20 УК РФ и ч. 3 ст. 27 УПК РФ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности (прекращение уголовного преследования) несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом.

Обобщение практики показывает, что нередко следователи, дознаватели не имеют четкого представления о конкретных обстоятельствах, подлежа-

щих выяснению при исследовании уровня психического развития несовершеннолетнего и особенностей его личности. Некоторые из должностных лиц органов дознания и предварительного следствия ошибочно полагают, что для этого достаточно лишь назначить психологическую или комплексную психолого-психиатрическую экспертизу. Однако в этих целях также необходимо истребовать соответствующие документы из медицинских и образовательных учреждений, допрашивать родителей, педагогов, соседей и других лиц из окружения обвиняемого (подозреваемого).

При назначении судебно-психологической экспертизы основной и наиболее распространенной ошибкой органов предварительного расследования является постановка экспертам-психологам вопроса о соответствии уровня психического развития несовершеннолетнего обвиняемого его паспортному (календарному) возрасту. Ответ на данный вопрос не входит в компетенцию эксперта-психолога, поскольку согласно ст. 20 УК РФ юридическое значение имеет не констатация соответствия уровня психического развития тому или иному календарному возрасту, а решение вопроса о мере способности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими.

В практике органов предварительного расследования нет единообразия и в наименовании постановления о прекращении уголовного дела вследствие отставания несовершеннолетнего в психическом развитии (встречается до десятка различных названий этого процессуального решения).

Как положительный опыт организации расследования преступлений несовершеннолетних можно рассматривать проведенное Следственным управлением при УВД Омской области обобщение следственно-судебной практики применения ч. 3 ст. 20 УК РФ, ч. 3 ст. 27, п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ и подготовку «Обзора практики применения законодательства, регламентирующего освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних вследствие отставания в психическом развитии». В обзоре проанализированы ошибки и недостатки, допускаемые при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних, имеющих отставание в психическом развитии; с учетом складывающейся практики Верховного Суда РФ и судов Омской области даны подробные разъяснения соответствующих положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства. С помощью специалистов в области психологии и психиатрии определен круг и предложены формулировки вопросов, входящих в компетенцию психолого-психиатрической экспертизы при установлении способности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

В обзор вошли также рекомендации по составлению постановления о прекращении уголовного дела в связи с отставанием несовершеннолетнего в психическом развитии.

Материалы проведенного обобщения практики применения законодательства об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних вследствие отставания в психическом развитии используются в служебной подготовке дознавателей и следователей, специализирующихся на расследовании преступлений несовершеннолетних.

Применительно к расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, в УПК РФ представляется целесообразным урегулировать следующие вопросы:

право принятия окончательного решения о форме предварительного расследования совершенных несовершеннолетними преступлений, перечисленных в ч. 3 ст. 150 УПК, целесообразно оставить за прокурором, которому в обязательном порядке направляется постановление о возбуждении уголовного дела для согласования;

о распространении меры пресечения в виде отдачи под присмотр не только на обвиняемых, но и на подозреваемых (п. 4 ст. 98 УПК сформулирован следующим образом: «4) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым»). Вместе с тем содержание ст. 105 УПК осталось без изменений. В ней по-прежнему говорится о присмотре как за обвиняемым, так и подозреваемым). Данный момент принципиален для дел, расследуемых в форме дознания, поскольку в течение всего срока дознания лицо, в отношении которого возбуждено и расследуется уголовное дело, занимает процессуальное положение подозреваемого;

о возможности окончания дознания прекращением уголовного дела с применением принудительной меры воспитательного воздействия (как уже отмечалось, согласно ст. 427 УПК уголовное дело с применением принудительной меры воспитательного воздействия прекращается в отношении обвиняемого);

о передаче уголовного дела прокурору для смены формы предварительного расследования, когда дознание не представляется возможным закончить в срок до 25 суток в связи с необходимостью назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы для выяснения уровня психического развития несовершеннолетнего².

---

² Подробнее об этом см.: Гирько С.И., Николюк В.В. Особенности дознания по делам о преступлениях несовершеннолетних // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве. Барнаул, 2002. Ч. 1. С. 54-59; Семьянова И.С. К вопросу о производстве дознания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Красноярск, 2003. Ч. 2. С. 185.

Н. А. Кузнецова,
кандидат юридических наук
(ВНИИ МВД России)

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ, ПОЛУЧЕННЫХ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В связи с принятием нового уголовно-процессуального законодательства и введением нормы о недопустимости доказательств, полученных с нарушением требований закона (ст. 75 УПК РФ), вопрос о сохранении доказательственного значения поводов к возбуждению уголовного дела и иных документов, полученных до возбуждения уголовного дела, приобретает особое значение.

Уголовно-процессуальная деятельность может начаться только при наличии законного повода к возбуждению уголовного дела. В связи с этим законодатель не только перечисляет поводы, но и регламентирует порядок и условия их получения, а также предусматривает гарантии, обеспечивающие доказательственное значение получаемой информации.

Доказательствами могут быть любые документы, содержащие сведения о фактах и отвечающие требованиям относимости, допустимости и достоверности. При этом не имеет значения, изготовлены ли они до возбуждения уголовного дела или после, в рамках или за рамками уголовного процесса.

Как правило, доказательственное значение документов, полученных на стадии предварительного расследования при производстве следственных действий, ни у кого не вызывает сомнений. Чаще всего возникает вопрос, имеют ли доказательственное значение материалы (документы), полученные до возбуждения уголовного дела. Представляется, что на этот вопрос может быть дан только положительный ответ.

К документам, полученным на стадии возбуждения уголовного дела, относятся: заявления, статьи, заметки и письма, опубликованные в печати, протоколы явки с повинной, рапорта о непосредственном обнаружении сотрудниками правоохранительных органов признаков преступления, материалы предварительной проверки (объяснения, акты ревизий, справки о различного рода исследованиях и т. п.).

Отрицание доказательственного значения поводов к возбуждению уголовного дела связано с непризнанием вообще доказывания до возбуждения уголовного дела. Однако доказывание пронизывает весь уголовный процесс, без него невозможно движение по делу. Следовательно, доказывание начинается с момента поступления заявления или сообщения о преступлении, со стадии возбуждения уголовного дела. Получив сообщение о пре-

ступлении, компетентные органы в соответствии со ст. 144 УПК РФ обязаны проверить, проанализировать, оценить эту информацию и при недостаточности фактических данных, подтверждающих наличие или отсутствие признаков преступления, истребовать необходимые материалы и получить объяснения.

Любые заявления и сообщения о совершенном или готовящемся преступлении содержат сведения, на основании которых делается вывод о наличии или отсутствии признаков преступления, о лице, его совершившем, а также решается вопрос о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела либо о проведении дополнительной проверки.

Следовательно, поводы к возбуждению уголовного дела нельзя игнорировать, их необходимо оценить и сделать соответствующие выводы. Закон не только перечисляет поводы, но и регламентирует порядок их получения, а также предусматривает гарантии, обеспечивающие достоверность получаемой информации. Так, устные заявления подлежат занесению в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим заявление (ст. 141 УПК РФ). При этом гражданину, от которого исходит заявление, разъясняется уголовная ответственность за заведомо ложный донос. В случае явки с повинной необходимо установить личность явившегося и составить протокол, в который должны быть занесены изложенные им сведения. Протокол подписывается явившимся с повинной и лицом, составившим его (ст. 142 УПК РФ). Исходя из общих требований допустимости доказательств не являются поводами анонимные заявления и письма, поскольку неизвестен источник содержащихся в них сведений о фактах. Если же в анонимном заявлении содержится указание на явные признаки преступления, то, на наш взгляд, необходимо провести оперативную проверку, но поводом к возбуждению уголовного дела в данном случае будет уже не заявление, а сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из других источников. Представляется, что не могут быть признаками поводами к возбуждению уголовного дела (доказательствами) и заявления граждан, которые не указывают источник своей осведомленности либо в силу своих физических или психических недостатков не способны правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела.

В результате проведенного автором исследования было установлено, что чаще всего поводами к возбуждению уголовного дела служат заявления граждан (56 %); сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученные из различных источников (31 %).

Из УПК исключены упоминавшиеся в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законодательстве такие поводы для возбуждения уголовного дела, как сообщения предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц; непосредственное обнаружение органом дознания, следовате-

лем, прокурором или судом признаков преступления и т. п. (ч. 1 ст. 108 УПК РСФСР 1960 г.). Но это не означает, что в указанных случаях, если они сложатся в реальности, будет отсутствовать повод для возбуждения уголовного дела. В частности, в случае поступления сообщений от предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц поводом к возбуждению уголовного дела будет предусмотренное в п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ заявление о преступлении. При этом важно, чтобы поступившее сообщение удовлетворяло требованиям, предъявляемым к данному поводу, т.е. это сообщение должно сопровождаться просьбой о привлечении виновного к уголовной ответственности. Официальное уведомление дознавателя, органа дознания, следователя, прокурора о преступлении, не содержащее такой просьбы, относится к иным источникам, предусмотренным в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК.

Задержание с поличным нередко осуществляется за рамками уголовного процесса, например администрацией торговых предприятий при выходе с похищенным. При этом составляются акты о задержании с поличным и приобщаются к заявлению о совершенном преступлении. Сведения, содержащиеся в этих актах, сохраняют свое доказательственное значение и на последующих стадиях процесса. В связи с этим законное проведение административного задержания, а также правильное составление указанных документов, отражение в них хода и результата задержания с поличным, соблюдение при этом правил удостоверительной деятельности, имеет важное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Но изучение материалов уголовных дел показало, что в органы дознания нередко поступают некачественные материалы, в которых не всегда находят отражение необходимые сведения: обстоятельства задержания, обнаружения и изъятия тех или иных предметов, их индивидуальные свойства, факт участия при этом понятых, стоимость похищенного, что очень важно для квалификации преступления и, следовательно, для выбора формы его расследования.

В соответствии со ст. 37 Закона РФ «О милиции» при наличии достоверных данных, указывающих на признаки преступления, органы внутренних дел вправе изымать на предприятиях и в учреждениях в качестве образцов сырье, полуфабрикаты, изделия и направлять их для проведения анализа и исследований в лаборатории.

Производство исследований поручается тому учреждению, специалисты которого компетентны в определенной отрасли знаний. Мотивированные выводы специалистов, представленные в письменном виде, с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства представляют собой документ, который в соответствии со ст. 84 УПК РФ может быть письменным доказательством по делу.

В процессе административной деятельности органов внутренних дел уполномоченные на то лица производят административное задержание, личный досмотр и досмотр вещей, а также изъятие вещей и документов, являющихся орудием или объектами правонарушений. В их числе могут оказаться объекты неизвестного происхождения с подозрением на наркотические и ядовитые вещества, оружие и т. д., незаконное изготовление, приобретение, хранение, ношение, пересылка и сбыт которых образуют составы преступлений, предусмотренных УК РФ. В таких случаях без выводов специалиста, является ли данный объект наркотически веществом, огнестрельным или холодным оружием и т. д., невозможно установить данные о наличии признаков преступления и решить вопрос о возбуждении уголовного дела.

Обобщение практики показывает, что назначение и проведение исследований таких объектов правомерно. Мотивированные выводы специалиста по поставленным вопросам, изложенные в справке, являются письменным документом и имеют доказательственное значение.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что документ об исследовании не заменяет заключение эксперта по этим же вопросам, если после возбуждения уголовного дела возникает необходимость в производстве экспертизы.

В ряде ситуаций в стадии возбуждения уголовного дела в период проверки заявлений и сообщений о совершенном или готовящемся преступлении в соответствии со ст. 144 УПК РФ производство исследований необходимо.

Несмотря на то, что в числе проверочных действий непосредственно не названы исследования, их производство не противоречит процессуальной природе проверки. Необходимость назначения таких исследований возникает тогда, когда иным путем обнаружить признаки преступления невозможно или для этого требуются значительные затраты времени. С учетом этого представляется целесообразным дополнить ст. 144 УПК РФ указанием на возможность проведения специальных исследований.

Учитывая вышесказанное, отметим, что в заявлениях и сообщениях о преступлении, а равно и в других поводах должны содержаться сведения о фактах, от которых зависит, будет ли возбуждено уголовное дело, что, естественно, предполагает оценку доказательственной информации, содержащейся в поводе к возбуждению уголовного дела. В дальнейшем производстве поводы не теряют своего доказательственного значения и подлежат проверке и оценке наряду со всеми другими собранными в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства доказательствами.

Особое место в уголовном процессе занимают объяснения. Это самый распространенный вид доказательств, встречающийся во всех без исключения материалах уголовных дел. Более того, в большинстве случаев обстоя-

тельства совершенного преступления в стадии возбуждения уголовного дела устанавливаются и доказываются с помощью объяснений. Хотя сведения, содержащиеся в объяснениях, подлежат обязательной проверке путем допроса и других следственных действий, это означает, что документ, устанавливающий определенное обстоятельство, нельзя игнорировать, а необходимо подтвердить либо опровергнуть, и следовательно, данный документ имеет доказательственное значение и подлежит оценке наравне со всеми другими доказательствами.

Замена объяснений в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства показаниями тех же лиц также не ведет к отрицанию и обесцениванию объяснений как доказательств.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в своем определении по конкретному уголовному делу прямо указала, что «в приговоре суд не дал надлежащей оценки существенным противоречиям в объяснениях и показаниях Г.»¹. При наличии существенных противоречий между объяснениями, полученными на стадии возбуждения уголовного дела, и фактическими данными, полученными при производстве следственных действий, а также объективных причин, исключающих возможность допроса лиц в качестве свидетеля и потерпевшего, суд вправе исследовать названные материалы. Если в результате этого будет установлено, что содержащиеся в них фактические данные имеют отношение к уголовному делу, согласуются с другими доказательствами, являются достоверными, то они должны быть использованы в уголовном процессе как «иные документы». Такой практики обосновано придерживаются суды. Следовательно, отрицание доказательственного значения объяснений приходит в явное противоречие с широко распространенной практикой использования объяснений в качестве доказательств.

При решении вопроса о доказательственном значении объяснений необходимо выяснить, отвечают ли они требованиям относимости и допустимости.

То, что сведения, содержащиеся в объяснениях, отвечают признаку относимости, не вызывает сомнения, так как получая объяснения, орган дознания устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, его совершившего, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного решения, т. е. эти сведения непосредственно относятся к предмету доказывания.

Требование допустимости относится прежде всего к источнику доказательства, а также к носителю информации и способам ее получения.

---

¹ Бюллетень Верховного суда СССР. 1988. № 3. С. 21.

По смыслу действующего законодательства (ст. 74 и 84 УПК РФ) источником сведений, содержащихся в объяснении, служат «иные документы», т. е. источник определен в законе и, следовательно, является допустимым. Однако, на наш взгляд, это отнесение действующим законодательством объяснений к документам искусственно. Суть документа несколько иная – это деловая бумага, подтверждающая какой-либо факт или право на что-то. Доказательственное значение имеют характеристики, справки, акты личного досмотра, приказы, письма, расписки, заявления и т. д. Объяснения же фактически являются свидетельскими показаниями, их гносеологическая сущность едина – лицо, которое так или иначе воспринимало обстоятельства, связанные с преступлением, сообщает о них.

Хотя ст. 74 УПК РФ такой вид доказательств не предусмотрен, законодательство (ст. 11 Закона «О милиции», ст. 6 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности») все-таки называет его в числе источников получения фактических данных, подтверждающих наличие преступления и виновность лица, его совершившего. В связи с этим, на наш взгляд, есть все основания дополнить перечень доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) и указанием на объяснения. Сущность доказательства при этом не изменится, поскольку источник доказательств представляет собой определенную процессуальную форму, при помощи которой сведения о фактах вводятся в сферу уголовно-процессуального доказывания. Хотя круг источников доказательств, установленный в настоящее время законом, имеет исчерпывающий характер, не следует думать, что он всегда должен оставаться неизменным. По мере развития и совершенствования уголовного судопроизводства он может измениться и дополниться новыми видами доказательств.

Требования допустимости по отношению к носителю доказательственной информации и процедуре получения объяснений в законе прямо не определены. На наш взгляд, объяснение может быть получено от любого лица. Но не вызывает сомнений, что решение о возбуждении уголовного дела, о привлечении виновного к уголовной ответственности не может быть основано на объяснениях лиц, которые не могут указать источник своей осведомленности или в силу своих физических или психических недостатков не способны правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела.

Часто отрицание доказательственного значения объяснений связывают с тем, что они не отвечают требованиям достоверности, т.е. получены без

предупреждения об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний².

Говоря о достоверности объяснений, следует отметить, что хотя признак достоверности является важным условием использования доказательств, он не обязателен для признания тех или иных сведений, содержащихся в определенном источнике, доказательствами. Определить, достоверно ли доказательство, можно лишь рассмотрев его в совокупности с другими доказательствами. Но для этого необходимо допустить данные сведения в качестве доказательств еще до проверки, до выявления, достоверны ли они. Уголовно-процессуальный закон не считает достоверность обязательным признаком доказательства. В результате может оказаться, что сведения, содержащиеся в объяснениях, являются достоверными, а полученные при допросе того же лица – ложными, вымышленными. Это может произойти по различным причинам: при даче гражданином объяснений на него не оказывали отрицательного воздействия лица, заинтересованные в исходе уголовного дела; разрыв во времени между восприятием обстоятельств совершенного преступления и дачей объяснений незначительный, поэтому они заслуживают большого доверия и др. Под влиянием же объективных и субъективных факторов допрашиваемое лицо может сознательно или неумышленно исказить фактические данные, дать неправильные показания.

Изучение рассмотренных районными судами уголовных дел, показало, что сведения, содержащиеся в объяснениях, в 83 % случаях совпадают со сведениями, имеющимися в показаниях тех же лиц, признанных судом достоверными. Только в 17 % случаев лица, у которых были получены объяснения, изменили свои показания в суде. Примером могут служить выводы по делу по обвинению К. «Суд, оценив все доказательства по делу, в обвинительном приговоре указал, что объективной истине соответствует объяснение Л., так как оно подтверждается показаниями подсудимой К. и другими материалами по делу»³. Данный пример лишний раз подтверждает, что было бы неверно исходить из заведомой недостоверности сведений, содержащихся в объяснениях лишь потому, что лицо, дающее объяснения, не предупреждалось об уголовной ответственности по ст. 307, 308 УК РФ.

И все-таки представляется, что в процессе доказывания должны существовать гарантии получения достоверной информации. Разумеется, сами по себе санкции не могут полностью гарантировать, что правила, за нарушение которых они установлены, будут обязательно соблюдены. Ложные по-

---

² См.: Lupinskaya P.A. Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств // Российская юстиция. 1994. № 11. С. 3.

³ Архив Люблинского межрайонного народного суда г. Москвы.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННЫХ БАНКРОТСТВ

казания даются и после предупреждения об уголовной ответственности. Однако в некоторых случаях страх перед наказанием побуждает отказаться от совершения тех или иных действий. Поэтому, на наш взгляд, установление ответственности за отказ от дачи объяснений и за дачу заведомо ложных объяснений создаст более благоприятные условия для получения достоверных сведений. В литературе также неоднократно высказывалось мнение о целесообразности установления такой ответственности, причем некоторые считают, что она должна быть административной⁴. Думается, что это наиболее приемлемо. Хорошо известно, что на практике отказ от дачи показаний и дача заведомо ложных показаний не такое уж редкое явление, однако уголовных дел по этим составам возбуждается ничтожно мало. Представляется, что это вызвано слишком сложной процедурой возбуждения и расследования таких дел, не соответствующей опасности совершенного преступления. Поэтому привлечение к ответственности за отказ или дачу заведомо ложных объяснений должно быть значительно проще и осуществляться в рамках административного права. Только в этом случае санкции за такие нарушения начнут действовать, что повысит гарантии достоверности объяснений. Думается, что обеспечение правовыми гарантиями правдивости объяснений не будет противоречить общим принципам уголовного процесса, поскольку до возбуждения уголовного дела законом предусмотрены и другие случаи обеспечения достоверности получаемых данных, например предупреждение об уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Признание за объяснениями статуса полноценного доказательства имеет большое значение. Как показывает практика, значительная часть уголовных дел прекращается по нереабилитирующим основаниям в связи с тем, что свидетели и потерпевшие отказываются от показаний, данных в стадии возбуждения уголовного дела. Придания объяснениям роли судебных доказательств не позволит безоговорочно отдавать предпочтение показаниям свидетелей и послужит дополнительной гарантией обоснованности и законности возбуждения уголовных дел, а также принятия окончательных решений.

В целях защиты прав и законных интересов кредиторов и инвесторов в сложившихся современных условиях развития Российской экономики, 27 сентября 2002 г. Государственной Думой был принят Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»¹, пришедший на смену ранее действовавшему Закону от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ. Наряду с этим в Уголовном кодексе России впервые предусмотрена уголовная ответственность за преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ), которые совершаются вне рамок процедуры банкротства, а также за неправомерные действия при осуществлении процедуры банкротства (ст. 195 УК РФ). В последнем случае имеется в виду, что совершение неправомерных действий при банкротстве возможно лишь при наличии текущей процедуры банкротства, осуществляемой в соответствии с Законом, когда уполномоченным лицом подано заявление в арбитражный суд, либо в период, предшествующий объявлению банкротства, в имеющихся условиях предвидения банкротства. Внешними признаками состояния предвидения банкротства могут быть заявление должника в арбитражный суд, назначение конкурсного управляющего, невозможность выполнения обязательств перед кредиторами, неуплата долгов партнерам, массовое неисполнение обязательств перед кредиторами, отказ от заключения договоров и т. д.²

Введение в Уголовный кодекс названных норм породило немало проблем, связанных с юридической оценкой и расследованием незаконных банкротств³. Сложности процесса расследования зачастую связаны с тем, что для решения вопроса о том, является ли банкротство незаконным, т. е. подпадают ли совершаемые действия под диспозиции указанных статей,

---

¹ Далее для краткости – Закон.

² См.: Комментарий к УК РФ. Особенная часть / Под ред. Ю.И. Скуратова. М., 1996. С. 218.

³ Термин «незаконное банкротство» является собирательным и условным понятием для обозначения совершенных неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренном (ст. 196 УК РФ) и фиктивном банкротстве (ст. 197 УК РФ).

---

⁴ См.: Шкапура В.К. Доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях, подведомственным органам внутренних дел: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Киев, 1995. С. 21.

необходимо сопоставить нормы, регулирующие процедуру банкротства и нормы УК. Только в этом случае возможно определить уголовно наказуемые нарушения в процессе банкротства.

Нельзя не отметить, что почти пятилетнее применение норм УК и четырехлетнее норм Закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 8 января 1998 г. выявило очевидные пробелы, допущенные законодателем как при регламентации проведения процедуры банкротства, так и в обеспечении ее законности уголовно-правовыми средствами, о чем свидетельствует анализ соответствующих норм права и изучение уголовных дел данной категории. В связи с этим и был принят новый закон о банкротстве, который призван исправить образовавшиеся пробелы в законе, однако только спустя некоторое время возможно говорить об эффективности этого закона.

Процесс расследования неотъемлемо сопряжен с квалификацией деяния. От того, насколько правильно и точно будет квалифицировано преступление, зависят ход и результаты расследования. Для этого на первоначальном этапе необходимо в кратчайшие сроки собрать необходимую доказательственную информацию.

Источники информации о преступлении, связанном с незаконным банкротством, могут быть следующие:

- материалы, поступившие из арбитражных судов;
- сведения, полученные от кредиторов-заявителей;
- материалы дел оперативного учета;
- версии о незаконных банкротствах при производстве расследования уголовных дел экономической направленности;
- материалы аудиторских проверок и ревизий;
- сообщения налоговых органов⁴;
- публикации в СМИ;
- сообщения Федеральной Службы России по финансовому оздоровлению и банкротству (ФСФО);

---

⁴ Анализ материалов, характеризующих деятельность арбитражных судов, показывает, что чаще всего с заявлениями о признании должников банкротами обращались налоговые органы - 43,7% (около 20% заявлений поступило от кредиторов и 14% - от Федеральной службы по финансовому оздоровлению и банкротству). Доминирование инициативы налоговых органов при возбуждении дел о банкротстве, очевидно, сопряжено с тем, что институт банкротства активно используется как один из способов взыскания налоговых недоимок. (См.: Деятельность арбитражных судов России в 2000 году: Пресс-релиз ВАС РФ от 19 февраля 2001 г. // Рос. юстиция. 2001. № 4).

выявление преступления прокурором при осуществлении общего надзора⁵.

Одной из особенностей незаконных банкротств является то, что основными носителями информации о преступлении являются документы, в которых отражаются действия преступников. Поэтому на первоначальном этапе расследования важно произвести **выемку** всех документов, в которых могут содержаться сведения о финансовой и хозяйственной деятельности банкрота. Причем чем больше звеньев в структуре предприятия, тем больше документов, отражающих его деятельность, тем больше возможностей получить доказательственную информацию из нескольких независимых источников и установить истинное положение дел. Существенную помощь в производстве выемки могут оказать предварительные консультации со специалистами (аудиторами, бухгалтерами, экономистами), а также их привлечение к данному следственному действию.

На первоначальном этапе расследования целесообразно провести выемку:

учредительных и регистрационных документов (устав, учредительный договор, свидетельство о регистрации) в регистрационной палате;

юридического дела и платежных документов по движению денежных средств по счетам организации, индивидуального предпринимателя в банковском учреждении;

бухгалтерской отчетности должника за последний отчетный период, предшествующий дате подачи заявления в арбитражный суд о признании должника несостоятельным (банкротом), а также за период (продолжительностью не менее 12 месяцев), предшествующий дате подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), с аналитической расшифровкой активов, в том числе баланса и прилагаемых к нему отчетов в налоговых органах;

перечень имущества должника на дату подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), а также за период, продолжитель-

---

⁵ См.: Ст. 2 Закона и ст. 52 АПК РФ: уполномоченные органы - федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные Правительством Российской Федерации представлять в деле о банкротстве и в процедурах банкротства требования об уплате обязательных платежей и требования Российской Федерации по денежным обязательствам, а также органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, уполномоченные представлять в деле о банкротстве и в процедурах банкротства требования по денежным обязательствам соответственно субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

ностью не менее 12 месяцев, предшествующий дате подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом);

договоров и иных документов, на основании которых производилось отчуждение или приобретение имущества должника, изменение в структуре активов, увеличение или уменьшение кредиторской задолженности, а также других документов по сделкам или действиям, повлекшим изменения в финансово-хозяйственном положении должника;

документов, содержащих сведения о составе руководства организации-должника за весь период проверки, а также лицах, имеющих право давать обязательные для организации-должника указания либо имеющих возможность иным образом определять действия организации-должника;

актов аудиторских проверок и ревизий деятельности организации, индивидуального предпринимателя;

справок о задолженности перед бюджетом и внебюджетными фондами с отдельным указанием сумм основной задолженности, штрафов, пеней и иных финансовых (экономических) санкций на дату подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), а также за период, продолжительностью не менее 12 месяцев, предшествующий дате подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом);

списка кредиторов должника и информации о них (за исключением организаций с суммой долга менее 1% от величины кредиторской задолженности) с указанием основной суммы задолженности, штрафов, пеней и иных финансовых (экономических) санкций за ненадлежащее выполнение обязательств по каждому кредитору и сроков наступления их исполнения на дату подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), а также за период продолжительностью не менее 12 месяцев, предшествующий дате подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом);

отчетов по оценке бизнеса, имущества должника из ФСФО;

отчетов временного управляющего о проведении процедуры наблюдения;

решений, определений Федеральной Службы России по финансовому оздоровлению и банкротству, арбитражных судов;

документов, свидетельствующих о причинении крупного ущерба кредиторам.

Для отыскания неизвестных документов, несущих в себе интересующую следствие доказательственную информацию, следователь по месту нахождения организации и месту жительства руководителя (собственника), организации или индивидуального предпринимателя проводит **обыск**, безусловно относящийся к числу первоначальных следственных действий. При

его производстве особое внимание необходимо уделять обнаружению документов неофициального учета, который во многих случаях ведут материально ответственные лица, работники финансовых служб и подразделений. В них могут содержаться сведения, которые не нашли отражения в бухгалтерском отчете (например, о действительной стоимости имущества, реальных объемах заключенных сделок). При производстве обыска следует обращать внимание на документы, содержащие данные о личных счетах руководителей или индивидуальных предпринимателей, о приобретении ими недвижимости и иных материальных ценностей. На обнаруженные в процессе обыска ценности, как принадлежащие организации, так и виновным лицам, следует налагать арест.

В современных условиях большинство организаций и предприятий оснащено компьютерами, на которых или на магнитных носителях может содержаться информация, имеющая существенное значение для следствия (например, данные о результатах финансово-хозяйственной деятельности предприятия). Поэтому при обыске необходимо проверить и при необходимости изъять информацию, содержащуюся в компьютерах и на магнитных носителях.

Расследование уголовных дел о незаконных банкротствах невозможно без знания процедуры банкротства, признаков незаконных банкротств и механизма их выявления.

Какие же признаки будут свидетельствовать о совершении незаконного банкротства и на что прежде всего необходимо обращать внимание при анализе изъятых финансовых документов?

Ответ на этот вопрос содержится в методических рекомендациях по проведению экспертизы о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства, разработанных Федеральной Службой России по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению (распоряжение ФСДН⁶ от 8 октября 1999 г. № 33-р)⁷.

Определение признаков фиктивного банкротства производится только при наличии в производстве дела о банкротстве организации-должника, возбужденного арбитражным судом по заявлению должника.

Основным признаком совершения фиктивного банкротства является наличие у должника возможности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме на дату обращения в арбитражный суд с заявлением о признании его несостоятельным (банкротом).

---

⁶ Сейчас - ФСФО.

⁷ См.: Вестник ФСДН РФ. 1999. № 2.

Для установления наличия (отсутствия) признаков фиктивного банкротства должна быть рассчитана обеспеченность краткосрочных обязательств должника его оборотными активами. На основании этого делаются следующие выводы:

если величина обеспеченности краткосрочных обязательств должника его оборотными активами равна или больше единицы, то признаки фиктивного банкротства имеются;

если величина обеспеченности краткосрочных обязательств должника его оборотными активами меньше единицы, то признаки фиктивного банкротства отсутствуют.

Определение признаков преднамеренного банкротства производится в случае возбуждения арбитражным судом производства по делу о банкротстве, а также при наличии оснований предполагать неправомерные действия лиц, которые имеют право давать обязательные для должника указания либо имеют возможность иным образом определять его действия.

Признаки преднамеренного банкротства могут быть установлены как в течение периода, предшествующего возбуждению дела о банкротстве, так и в ходе самих процедур банкротства. На совершение преднамеренного банкротства могут указывать действия названных выше лиц, вызвавшие неспособность должника удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

С целью выявления признаков преднамеренного банкротства проводится анализ финансово-хозяйственной деятельности должника, который делится на два этапа.

На первом этапе рассчитываются показатели, характеризующие изменения в обеспеченности обязательств должника перед его кредиторами, имевшие место за период проверки. В случае установления существенного ухудшения в показателях обеспеченности обязательств проводится экспертиза сделок должника, реализация которых могла быть причиной соответствующей динамики показателей. На втором этапе анализируются условия совершения сделок должника за тот же период, повлекших существенные изменения в показателях обеспеченности обязательств должника перед его кредиторами.

К признакам заведомо невыгодных для должника сделок могут быть отнесены:

занижение или завышение цены на поставляемые (приобретаемые) товары (работы, услуги) по сравнению со сложившейся рыночной конъюнктурой;

заведомо невыгодные для должника сроки и (или) способы оплаты по реализованному или приобретенному имуществу;

любые формы отчуждения или обременения обязательствами имущества должника, если они не сопровождаются эквивалентным сокращением задолженности.

После изучения признаков преднамеренного банкротства делаются следующие выводы:

если обеспеченность требований кредиторов ухудшилась и сделки, совершенные должником, не соответствуют существовавшим рыночным условиям, нормам и обычаям делового оборота, то усматриваются признаки преднамеренного банкротства;

если обеспеченность требований кредиторов за период проверки существенно не ухудшилась, то признаки преднамеренного банкротства отсутствуют;

если обеспеченность требований кредиторов существенно ухудшилась, но сделки, совершенные должником, соответствуют существовавшим рыночным условиям, нормам и обычаям делового оборота, то признаки преднамеренного банкротства также отсутствуют.

Может сложиться впечатление, что применение механизма выявления признаков незаконных банкротств находит отражение только во время предварительной проверки по поступившей информации о преступлении, а выявление этих признаков в процессе расследования, т. е. после возбуждения уголовного дела теряет свою актуальность, так как они уже установлены. Но это не так. Во-первых, круг первоначальных документов, содержащихся в материалах предварительной проверки, не всегда исчерпывающий, и, как правило, только в процессе производства следственных действий (например, выемка, обыск) возможно изъять необходимые документы для разрешения дела по существу. Во-вторых, эти признаки должны найти свое отражение в процессуальных документах, для чего необходимо провести вышеуказанные следственные действия.

Следователь, расследующий дела данной категории, обязан знать эти признаки с тем, чтобы более грамотно определить круг вопросов для назначения экспертизы, проведение которой может быть поручено экспертам как центрального аппарата ФСФО, так и межрегиональных территориальных органов, территориальных органов Федеральной службы России по финансовому оздоровлению и банкротству.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹ институт подозреваемого сохранен практически в том же виде, в каком он существовал на протяжении долгого времени в нормах утратившего силу УПК РСФСР. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 46 УПК РФ возможность приобретения лицом процессуального статуса подозреваемого по-прежнему связывается только с возбуждением в отношении него уголовного дела, либо с применением задержания или меры пресечения до предъявления обвинения.

Практика применения норм института подозреваемого в отечественном уголовном судопроизводстве выявила немало проблем, связанных с необходимостью вовлечения лица в сферу уголовно-процессуальной деятельности государственных органов и соблюдения при этом его прав и свобод. Успешному разрешению этих проблем, безусловно, будет способствовать изучение норм зарубежного законодательства развитых демократических стран, регулирующих соответствующие отношения.

Рассмотрим, каким образом институт подозреваемого регламентируется в зарубежных странах.

Австрия. В уголовно-процессуальной теории Австрии акцент на принципиальное обособление терминов, обозначающих участие подозреваемого в судопроизводстве, не ставится. Так, большинство австрийских ученых схожи во мнении, что обвиняемым должно признаваться физическое лицо, в отношении которого в конкретном уголовном деле ведется судопроизводство². В то же время на различных этапах движения уголовного дела это лицо называется по-разному: при возбуждении уголовного преследования – подозреваемым; при вынесении предложения о начале предварительного расследования либо вынесении обвинительного акта – обвиняемым; с момента открытия судебного разбирательства и на всех последующих стадиях – подсудимым. При этом, как справедливо отметил В.Н. Бутов, в Уголовно-процессуальном кодексе Австрии³ эта терминология часто не выдерживается⁴.

¹ Далее – УПК РФ.

² См.: Roeder H. Lehrbuch des österreichischen Strafverfahrensrechtes. Wien, 1976. S. 211, Bertel Chr. Grundriss des österreichischen Strafprozessrechts. Wien, 1975. S. 123-124.

³ В настоящее время в Австрии действует уголовно-процессуальный кодекс, принятый 9 декабря 1975 г. Далее – УПК Австрии.

⁴ См.: Бутов В.Н. Уголовный процесс Австрии. Красноярск, 1988. С. 87.

Таким образом, можно говорить о том, что подозреваемым в уголовном процессе Австрии будет являться лицо, в отношении которого ведется судопроизводство, до момента вынесения обвинительного акта.

Предварительное производство уголовного процесса Австрии состоит из предварительного расследования и привлечения в качестве обвиняемого. При этом предварительное расследование может проводиться либо в форме дознания, либо – предварительного следствия, либо в смешанной форме (с первоначально проводимым дознанием и последующим предварительным следствием)⁵.

Главным назначением дознания согласно абз. 1 § 88 УПК Австрии является выяснение того, имеются ли поводы и достаточные основания для возбуждения уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления. Кроме того, согласно абз. 1 § 87 УПК Австрии дознание в некоторых случаях может проводиться и по факту совершения преступления, т. е. в отношении неизвестных лиц.

В зависимости от субъекта, производящего дознание, оно может быть обычным (проводится прокурором) или судебным (проводится по предложению прокурора следственным судьей или районным судом)⁶.

Кроме того, судебное дознание может быть осуществлено и без предложения прокурора. При этом следственный судья (или районный суд) производит лишь те следственные действия, которые не могут быть отсрочены ввиду угрозы целям расследования либо нарушения предусмотренных законом сроков, либо если существует возможность утраты следов преступления или если повторный осмотр невозможен (§ 89 УПК Австрии). Все протоколы, составленные при таком дознании, немедленно должны пересылаться прокурору, а в случае задержания (ареста) лица – не позднее 8 дней.

По окончании обычного дознания или в течение 3 дней после получения материалов судебного дознания (если имеется арестованный) прокурор должен принять одно из следующих решений: ходатайствовать о проведении предварительного следствия; возбудить обвинение самостоятельно; прекратить уголовное преследование; предложить временно приостановить судебное дознание (в случае неустановления лица, совершившего преступление, если исчерпаны все возможности для дальнейшего расследования). В первых двух случаях подозреваемый становится обвиняемым.

Предварительное следствие проводится только в случаях: если о его производстве имеются ходатайства прокурора или частного обвинителя; если расследуемое преступление подсудно суду присяжных; если дело рассматривается заочно (когда обвиняемый отсутствует); при производстве по

⁵ См.: Бутов В.Н. Указ. соч. С. 41.

⁶ См.: Там же. С. 88-89.

помещению лица в специальное лечебное учреждение. Данная стадия уголовного судопроизводства предназначена для проверки возбужденного обвинения (при этом может быть сделан вывод о необходимости прекращения процесса), подготовки условий для привлечения лица в качестве обвиняемого и исследования доказательств в судебном разбирательстве.

Завершается предварительное следствие, соответственно, либо решением о прекращении уголовного дела, либо решением об его окончании – при наличии оснований для привлечения лица в качестве обвиняемого⁷. В последнем случае следственный судья передает все материалы расследования прокурору, который в течение 14 дней со дня получения документов должен либо принести следственному судье обвинительный акт, либо возвратить ему материалы с разъяснением об отсутствии оснований для дальнейшего уголовного преследования. Судья при согласии с мнением прокурора принимает соответствующее решение.

Таким образом, подозреваемый является обязательным (в отличие от подозреваемого в российском уголовном процессе) участником уголовного судопроизводства Австрии на стадиях дознания и предварительного следствия.

В УПК Австрии предусмотрены следующие меры уголовно-процессуального принуждения, которые могут быть применены к подозреваемому: вызов в полицию и суд, принудительный привод, временное задержание, предварительное заключение.

Временное задержание определяется большинством австрийских процессуалистов как краткосрочное ограничение свободы подозреваемого с целью обеспечить его участие на предварительном расследовании или в суде до поступления дальнейших распоряжений⁸, и в соответствии с § 175 УПК Австрии возможно в следующих случаях:

если подозреваемый пойман с поличным на месте преступления или непосредственно после совершения преступления, если очевидцы указывают на него как на лицо, причастное к совершению преступления, либо он был пойман с оружием или другими предметами, которыми совершал преступление или которые указывают на его участие в совершении преступления;

если подозреваемый скрывается с целью избежать ответственности за совершенное преступление или по другим причинам, оставаясь при этом опасным для общества, либо имеется опасность такого побега;

если имеются основания полагать, что обвиняемый, находясь на свободе, скроется от следствия и суда или будет препятствовать установлению истины по уголовному делу путем оказания влияния на свидетелей, экспертов или соучастников, путем уничтожения следов преступления или по иным причинам представляет опасность для общества;

если имеются достаточные основания полагать, что подозреваемый, находясь на свободе, может совершить новое преступление или делал попытки либо высказывал угрозы совершения нового преступления.

Примечательным является институт так называемого обязательного задержания, который обязывает в любом случае задерживать лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может последовать наказание не менее 10 лет лишения свободы.

Кроме перечисленных материальных предпосылок, для осуществления задержания необходима еще и формальная предпосылка – письменный приказ судьи, производящего расследование. Без такого приказа кратковременное задержание с целью привода к судье может быть произведено органом безопасности или судьей, не уполномоченным на проведение расследования, только при задержании на месте преступления, а также при опасении, что подозреваемый может скрыться или совершить новое преступление (абз. 1 § 177 УПК Австрии). В этом случае он в течение 48 часов доставляется к судье, производящему расследование.

Задержанный подозреваемый должен быть допрошен в течение 24 часов после доставления в суд и в любом случае не позднее, чем в трехдневный срок с момента задержания (при этом причины, по которым он не мог быть допрошен ранее, обязательно должны быть занесены в протокол). После проведения допроса следственный судья принимает решение либо об освобождении подозреваемого, либо о применении к нему в надлежащем порядке предварительного заключения (основания для применения которого практически совпадают с основаниями для кратковременного задержания).

В качестве альтернативы предварительному заключению в соответствии с абз. 5 § 180 УПК Австрии к подозреваемому могут быть применены следующие меры: обязательство не покушаться на побег и не менять место жительства без разрешения следственного судьи; обещание не предпринимать попыток препятствования расследованию; обещание выполнять предписания, проживать в определенном месте или в определенной семье, избегать определенных квартир, определенных мест или определенных связей; воздерживаться от алкоголя или употребления других опьяняющих средств; извещение через определенные промежутки времени суда о каждой перемене места пребывания или места жительства; временное изъятие документов, дающих право на свободное передвижение, или документов, необходимых для вождения транспортных средств; передача под поручительство или на поруки; залог.

⁷ См.: УПК Австрии. § 109; Roeder H. Указ. соч. С. 176-179; Platzgummer W. Grundzüge des österreichischen Strafprozessrechtes. Wien, 1977. S. 132-133.

⁸ См.: Platzgummer W. Указ. соч. С. 112; Zarl J. Die vorläufige Verwahrung. ÖRZ, 1960, Nr. 3. S. 31-34; Serini E. Die praktische Anwendung der Verwahrungs – und Untersuchungshaft. ÖJZ, 1953, Heft 11. S. 283 – 291.

Таким образом, среди особенностей правового статуса «австрийского» подозреваемого можно выделить следующее.

Во-первых, термин «подозреваемый» представляет собой гармонично вписывающуюся и неотъемлемую часть единого целого – термина «лица, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство». По мере развития производства по уголовному делу такое лицо из подозреваемого становится обвиняемым, а затем и подсудимым. При этом оно изначально наделяется широким базовым набором необходимых процессуальных прав (давать показания на родном языке; приводить все известные ему факты и сведения, которые опровергают предъявляемые ему уголовные претензии; быть информированным в возможно короткий срок о всех возникших в отношении него подозрениях и их основаниях; пользоваться услугами защитника; получать копии различных следственных документов и т. д.) и приобретает по мере «преобразования» в обвиняемого или подсудимого лишь специфические, характерные только для определенной стадии права (право принесения возражения на обвинительный акт, например, возникает и действует только с момента вынесения последнего и в течение следующих 14 дней). Этим и можно объяснить отмеченную В.Н. Бутовым необязательность в соблюдении терминов системы «подозреваемый – обвиняемый – подсудимый»⁹.

Во-вторых, в основе определения лица, которое можно считать подозреваемым в австрийском уголовном процессе, лежит вовсе не возможность применения мер уголовно-процессуального принуждения, а признак осуществления уголовного судопроизводства в отношении него. При этом фактом, подтверждающим осуществление уголовного судопроизводства в отношении лица, служит не официальное постановление о возбуждении против него уголовного дела (как это предусмотрено в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве), а производство любых процессуальных действий, направленных на получение избобличающей такое лицо информации (допроса, осмотра и т. д.).

ФРГ. Немецкие процессуалисты отмечают, что уголовный процесс Германии представляет собой особый, отличающийся от «классических» инквизиционного и состязательного, так называемый обвинительно-следственный тип¹⁰. Характерной его чертой является слабая регламентация процессуальными нормами стадии предварительного расследования.

Нельзя не отметить, что понятие «подозрение» представляет собой концептуальную основу как для всей стадии предварительного расследования, так и для соответствующего направления в германской уголовно-процессуальной теории. Так, согласно § 112 Уголовно-процессуального

кодекса Германии¹¹ заключение под стражу применяется, если обвиняемый серьезно подозревается в совершении преступления и имеются основания ареста; задачей дознания является выяснение вопроса о наличии **подозрения**; в § 169d говорится о проверке и установлении личности **подозреваемого**, и т. д.

В теории уголовного процесса ФРГ подозрение определяется как ретроспективно-прогностический вывод, основанный на фактах и обладающий свойством проверяемости¹². Согласно этой теории в основу для принятия любого процессуально значимого решения должно быть положено подозрение, которое в зависимости от степени вероятности может быть простым (минимум, которого необходимо для того, чтобы начать производство дознания), достаточным (оно может появиться только в случае владения фактами, при которых возможность последующего осуждения обвиняемого судом становится реальной) и серьезным (при таком подозрении возможно применение самой строгой меры государственного принуждения – заключения под стражу).

В уголовном процессе ФРГ обвинение против конкретного лица может быть возбуждено прокурором только после окончания дознания (которое представляет собой единственную форму предварительного расследования). Иными словами, обвиняемый (в нашем понимании), появляется лишь на судебных стадиях германского уголовно-процессуального производства. Тем не менее, в положениях УПК, посвященных предварительному расследованию, не раз встречается фигура с названием «обвиняемый». В этом случае можно говорить об отсутствии законодательного разграничения терминов «подозреваемый» и «обвиняемый» в германском уголовном судопроизводстве. В связи с этим совершенно справедливым представляется высказывание Б. А. Филимонова о том, что термин «обвиняемый» в УПК Германии «...является формальным, условным, не определяет его процессуального положения. По своему фактическому процессуальному положению такой обвиняемый является типичным подозреваемым и в качестве такового выступает на протяжении всего расследования дела»¹³.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, подозреваемый (в нашем понимании) является обязательным участником (в случае установления прокурором или полицией лица, предполагаемо совершившего преступление) предварительного расследования в Германии,

¹¹ В объединенной Германии действует уголовно-процессуальный кодекс 1877 г. в редакции от 7 апреля 1987 г. Далее – УПК Германии.

¹² См.: Kühne H. Strafprozeßlehre. Straßburg, 1988. S. 121.

¹³ Уголовный процесс западных государств: Учебное пособие // Под ред. К.Ф. Гуценко. М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2001. С. 423.

⁹ См.: Бутов В.Н. Указ. соч. С. 87.

¹⁰ Roxin C. Strafverfahrensrecht. München, 1995. S. 89.

во-вторых, – также как и в Австрии, для признания лица таковым не установлено каких-либо строго определенных юридических фактов.

Англия. В англосаксонской системе права понятие уголовного процесса традиционно связывается прежде всего с тем, что происходит в суде. Неудивительно, что при таком подходе досудебному производству в Англии уделено значительно меньше, чем в странах с так называемым континентальным типом уголовного процесса, внимания как со стороны законодательной регламентации, так и со стороны уголовно-процессуальной теории.

Тем не менее и в теории и в праве четко выделяются наиболее существенные и важные аспекты досудебного производства. Так, английскими процессуалистами уголовный процесс определяется как «ряд стадий, в ходе которых принимаются уголовно-процессуальные решения, начиная от регистрации информации о преступлении или ареста подозреваемого вплоть до условно-досрочного освобождения осужденного или отмены судебного приказа об установлении контроля за поведением осужденного»¹⁴.

Располагая приведенным понятием, нетрудно сделать вывод, что Английскому уголовному процессу известна фигура подозреваемого. Более того, если учитывать, что обвиняемым (в нашем понимании) лицо может стать лишь на заключительных этапах досудебного производства (непосредственно перед направлением полицией всех собранных обвинительных материалов в Королевскую службу преследования, например), то в случае осуществления полицией процессуальной деятельности по обоснованию привлечения к уголовной ответственности определенного лица подозреваемый – обязательный участник уголовного процесса Англии.

Особенность регламентации прав и обязанностей подозреваемого в английском уголовном процессе заключается в том, что она осуществляется индивидуально по отношению к определенным правовым ситуациям (связанным, по преимуществу, с вторжением в сферу общепризнанных прав и свобод личности), возникающим между подозреваемым и органами предварительного расследования (полиции, Таможенной службы, Налоговой службы и др.), что обусловлено отмечавшимся ранее принципиальным англосаксонским подходом к досудебному производству в целом.

Так, при полицейском аресте подозреваемого (аналогично задержанию в российском уголовном процессе) регулирование порядка и условий обеспечения прав задержанного будет осуществляться Законом о полиции и уголовных доказательствах 1984 г., а также Законом о доступе к правосудию 1999 г., которыми:

а) ограничиваются случаи применения полицейского ареста (он возможен, только когда неизвестно имя или адрес подозреваемого или имеются

сомнения в том, что он назвал свои истинные данные; либо есть основания полагать, что арест необходим для предотвращения физического воздействия на людей или собственность со стороны подозреваемого; либо есть основания полагать, что арест предотвратит физическое воздействие на самого подозреваемого; либо арест необходим для предупреждения повторного совершения преступления подозреваемым; либо необходимо защитить ребенка или иное беспомощное лицо от действий подозреваемого);

б) ограничиваются сроки ареста (его продолжительность для большинства видов преступлений не должна превышать 24 часов, однако при задержании по подозрению в совершении «серьезного арестного преступления»¹⁵ старшим чиновником полиции срок ареста может быть продлен до 36 часов, дальнейшее же продление срока задержания возможно только по решению магистратского суда);

в) определяется ряд важнейших прав задержанного (в ст. 58 Закона о полиции и уголовных доказательствах, например, закреплено право арестованного подозреваемого на участие в его деле адвоката с начала задержания и без ограничения сроков участия, причем адвокат может присутствовать на всех допросах подозреваемого);

г) устанавливаются соответствующие этим правам обязанности должностных лиц по их обеспечению (каждый задержанный обязательно должен быть доставлен к «офицеру по надзору» через 6 часов после начала задержания, а затем – через каждые девять часов задержания).

США. Анализируя порядок досудебного производства и применения мер процессуального принуждения, можно сказать, что подозреваемым в уголовном процессе США является лицо, в отношении которого органом расследования осуществляется деятельность по собиранию доказательств для дальнейшего его обвинения в совершении преступления, и которое в связи с этим непосредственно вовлекается в сферу расследования путем проведения следственных действий с его участием и (или) применения к нему мер уголовно-процессуального принуждения.

Как и в английском уголовном процессе, досудебное производство по уголовному делу в США законодательно¹⁶ регламентируется значительно

---

¹⁵ В соответствии с Законом об уголовном праве 1967 г. все преступления в Англии делятся на «арестные», которые предусматривают наказание в виде пяти и более лет тюремного заключения, и на «неарестные», т. е. все остальные преступления.

¹⁶ Уголовно-процессуальные отношения в США регламентируются сложной совокупностью норм писаного права (Конституции США 1787 г., разд. 18 «Преступления и уголовный процесс», разд. 28 «Судопроизводство и судебная процедура» Свода законов США (в редакции 1948 г. последующими изменениями и дополнениями), уголовно-процессуальных законов штатов и др.), подзаконных актов (Федеральных правил уголовного процесса 1944 г., Федеральных правил доказывания 1972 г., Правил Верховного суда США 1980 г. и др.), а также норм неписаного права (решений Верховного Суда США по конкретным уголовным делам).

---

¹⁴ Ashworth A. Sentencing and Criminal Justice. 2-ed. London, 1995. P. 13.

скуднее, нежели судебные стадии¹⁷. Тем не менее нормативное регулирование участия подозреваемого в американском уголовном судопроизводстве представляется довольно подробным.

Так, большое внимание уделено допросу подозреваемого как одному из самых распространенных полицейских действий на досудебном производстве. Отличительной чертой «американского» допроса является отсутствие четких реквизитов оформления его результатов (составление протокола допроса необязательно). Между тем законом и судебной практикой выработаны определенные требования к условиям, при которых должен осуществляться допрос. В большинстве своем эти требования нашли свое отражение в решениях Верховного Суда США по делам Эскобедо (1964 г.) и Миранды (1966 г.) и заключаются в следующем:

перед допросом всегда необходимо предупредить допрашиваемого о том, что он имеет право молчать, что любое сделанное им заявление может быть использовано в качестве доказательства против него, а также что у него есть право на присутствие приглашенного или назначенного защитника;

если допрашиваемый изъявит желание на встречу с защитником до того, как начнет говорить, то никакие вопросы ему задавать нельзя;

признание своей вины подозреваемым во время допроса в полиции нельзя считать допустимым доказательством, если оно было сделано после отказа предоставить подозреваемому возможность встретиться со своим защитником. Если же подозреваемым не изъявлялось желание встретиться с защитником, то согласно п. «с» § 3501 раздела 18 Свода законов США, такие признания могут быть признаны допустимыми, если время между арестом подозреваемого и доставлением к судье не превысило шести часов.

Важно отметить, что хотя данные правила относятся только к допросам арестованных лиц, распространяются они практически на все случаи допроса подозреваемых, поскольку в США почти каждое уголовное дело, включая и дела о малозначительных уголовно наказуемых деяниях, начинается с ареста или обыска¹⁸. Кроме того, Верховный суд США, уточняя условия применения правил Миранды и Эскобедо, при вынесении решения по делу Орозко (1966 г.) установил, что любое фактическое удержание, ограничение права на передвижение со стороны полиции являются арестом.

Вообще, арест в уголовном процессе США – универсальное средство, которое не только означает несколько видов ограничения¹⁹ свободы, а еще и является способом вовлечения подозреваемого в уголовно-процессуальную деятельность. Так, М.А. Пешков отмечает, что «... в уголовном процессе США, где арест, являясь мерой процессуального принуждения, ограничивающей свободу человека, в виде заключения под стражу, при этом несет важную дополнительную функцию – возбуждения уголовного преследования в отношении конкретного лица»²⁰. Порядок производства ареста также детально регламентируется в уголовном процессе США.

Так, по общему правилу, для заключения под стражу подозреваемого полиция должна собрать необходимые для этого фактические данные и обратиться в суд с ходатайством о выдаче приказа, разрешающего арест (аналогично мере пресечения – заключению под стражу по российскому УПК) конкретного лица. В случаях, не терпящих отлагательства, допускается арест (аналогично задержанию в российском уголовном процессе) без судебного приказа, но при этом задержанный должен быть доставлен в суд для проверки законности ареста «настолько быстро, насколько это возможно». Интересно отметить, что на практике большинство арестов совершается до судебного приказа²¹.

При задержании полицейский имеет право обыскать подозреваемого и изъять у него оружие и предметы, которые могут служить в качестве доказательств по делу, после чего арестованный должен быть доставлен в место содержания. Сразу после доставления факт задержания обязательно должен быть надлежащим образом оформлен в специальном полицейском журнале, где отмечаются фамилия и имя подозреваемого, время его доставки, а также фабула преступления, по подозрению в совершении которого произошло задержание. В этот момент задержанному объясняется, в чем он подозревается, и предоставляется возможность позвонить по телефону любому лицу. По завершении данной процедуры полиция может отпустить подозреваемого под залог или письменное обязательство о явке по вызовам суда или должностного лица, производящего предварительное расследование, а в случае намерения дальнейшего содержания подозреваемого под стражей (если есть основания считать, что он может скрыться, помешать правосудию либо представлять опасность для окружающих) – поместить в камеру.

Кроме этого, в американском уголовном процессе (например, в ст. 180(a) «Uniform Arrest Act New-York» 1964 г.) имеется регламентация

¹⁷ См.: Уголовный процесс западных государств: Учебное пособие / Под ред. К.Ф. Гуценко М.: ЗЕРЦАЛО – М, 2001. С. 161.

¹⁸ См.: Karlan J., Skolnich J. Criminal justice: introductory cases and materials. Mineola, 1992. P. 113.

¹⁹ Разные процедуры заключения лица под стражу в уголовном процессе США охватываются единым термином «арест». Однако, по сути, для удобства восприятия, его можно разделить на виды, аналогичные задержанию и избранию меры пресечения в виде заключения под стражу в российском уголовном процессе.

²⁰ Пешков М.А. Арест и обыск в уголовном процессе США. М.: Спарк, 1998. С. 29.

²¹ См.: Гуценко К.Ф. Основы уголовного процесса США. М., 1993. С. 41.

задержания «типа Терри»²², которое схоже с практически не урегулированными нормами закона «доставлением в орган дознания или к следователю» в российском УПК. Суть такой регламентации заключается в том, что:

полицейский вправе остановить лицо, которое он на разумных основаниях подозревает в совершении преступления, и потребовать от него назвать свое имя, адрес, а также сообщить, что оно здесь делает и куда направляется;

если опрошенное лицо отказалось сообщить требуемые данные, то оно может быть задержано полицейским для дальнейшего выяснения;

время такого задержания не может быть более двух часов, по истечении которых задержанный либо освобождается, либо подвергается аресту с уведомлением об инкриминируемом преступлении.

Жесткой регламентации в отношении соблюдения прав подозреваемого подчинена деятельность по проведению его опознания. Это неудивительно, ведь его «результаты во время судебного разбирательства дают почти 100-процентный “эффект”»²³. Согласно общепризнанному правилу опознание может быть проведено только в присутствии защитника опознаваемого лица.

Таким образом, изложенный выше материал позволяет сделать следующие выводы.

В уголовно-процессуальном законодательстве разных стран (как с континентальной, так и с англосаксонской системой права) имеется совокупность норм, регулирующих участие подозреваемого (вне зависимости от того, каким термином он определяется) в уголовном судопроизводстве.

Регламентация участия подозреваемого в уголовном процессе стран с англосаксонской системой права осуществляется ситуативно по отношению к тем действиям органов расследования, которые в силу выраженного принудительно-властного характера способны причинить вред наиболее важным и общепризнанным правам и свободам человека (аресту, обыску и др.).

В зарубежном уголовном судопроизводстве наделение лица процессуальным статусом подвергающегося уголовному преследованию субъекта не ставится в строгую зависимость от определенных юридических фактов (задержание, вынесение специального постановления и т.д.), а связано непосредственно с осуществлением самых различных, в том числе и следственных (т. е. направленных на получение доказательств), процессуальных действий.

---

²² Такое название задержание получило после решения Верховного суда США по делу Терри в 1968 г.

²³ Гуценко К.Ф. Основы уголовного процесса США. М., 1993. С. 45.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, РЕГУЛИРУЮЩЕЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В США И ГЕРМАНИИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Преступность является социальной проблемой любой страны. В условиях, когда в России еще не сложилась достаточно эффективная система борьбы с этим негативным явлением, может оказаться полезным изучение и использование положительного опыта борьбы с преступностью в развитых странах. Это поможет избежать «метода проб и ошибок» как в выработке и реализации своего курса борьбы с преступностью, так и в использовании конкретных оперативно-следственных приемов и методов.

Уголовно-процессуальное законодательство, регулирующее порядок и организацию предварительного расследования в развитых странах, в той или иной модификации относится либо к англо-американской, либо к франко-германской системе права. В связи с этим в данной статье будут рассмотрены особенности организации расследования преступлений двух стран – США и Германии как наиболее ярких представителей своих систем права и добившихся значительных успехов в борьбе с преступностью.

Отличительной чертой организации расследования в США является то, что в этой стране не существует законодательства, которое единообразно регламентирует бы порядок и условия деятельности сотрудников органов расследования, действовало бы на всей территории страны и распространялось на все территориальные юрисдикции. Это не означает, однако, что расследование по уголовным делам не регламентировано вообще, а его формы и методы целиком зависят от свободного усмотрения следователей и детективов.

Основополагающие условия и принципы расследования зафиксированы в Конституции США 1787 г. и поправках к ней – «Билле о правах» 1791 г., а также в нормоустанавливающих толкованиях этих положений судами вообще и, в частности, Верховным судом США как высшим органом конституционного надзора.

Нормы, имеющие отношение к расследованию, содержатся в федеральном уголовно-процессуальном законодательстве и штатов. Многие аспекты расследования регламентируются подзаконными, ведомственными актами самих правоприменяющих учреждений. Считается, что административное нормотворчество в этой сфере выгодно тем, что остается возможность гибкого маневрирования, поскольку административный акт легче изменить или отменить, чем законодательный акт.

Как административные акты, так и нормы закона, регламентирующие деятельность органов расследования, формируются с учетом и на основе

требований и принципов, устанавливаемых судебной властью в порядке осуществления конституционного надзора.

Федеральные законы, имеющие отношение к уголовному судопроизводству, принятые в разное время Конгрессом США, в основном включены в Раздел 18 «Преступления и уголовный процесс», частично в Раздел 28 «Судоустройство и судебная процедура» Свода законов США (в редакции 1948 г. с последующими изменениями и дополнениями). Можно обнаружить их и в разделе 10, где речь идет об органах военной юстиции, а также в других разделах.

В качестве примера можно назвать «Акт о скором суде» 1974 г., регулирующий процессуальные сроки содержания арестованных под стражей, Федеральный закон о контроле над преступностью и обеспечении безопасности на улицах 1968 г., Закон о контроле над организованной преступностью 1970 г., Акт о Реформе порядка освобождения под залог или поручительство 1984 г., Акт о конфиденциальности использования электронных средств связи 1986 г., Акт о Досудебных службах 1982 г., Акт о Контроле за преступностью 1990 г., Акт о Контроле за насильственными преступлениями и правоохранительной деятельности 1994 г. и многие другие¹.

Однако эти положения не в полной мере регулируют расследование преступлений, осуществляемое федеральными органами. Одна из основных причин данной ситуации заключается в том, что федеральные власти традиционно отдают предпочтение в этой области подзаконным актам.

Наиболее широкую известность приобрели подзаконные акты (правила), издаваемые федеральными судами всех уровней. Такая практика полностью соответствует действующему законодательству, которое делегировало этим судам полномочия по регламентации большинства уголовно-процессуальных споров. Особое место отводится правилам, издаваемым Верховным судом США. Как указано в Законе от 29 июня 1940 г., после вступления данных правил в силу «все другие нормы права, противоречащие им, не должны иметь силы и применяться». Это означает, что правилам придается сила закона².

Правовая система США усложнена большим количеством судебных решений, имеющих силу прецедента. Сегодня в США многие прецеденты признаются более принципиальными, чем правовые нормы, устанавливаемые законодательными органами. В них, в частности, находят отражения различные положения, касающиеся охраны личности, жилища, документов и имущества граждан, неприкосновенности их личной жизни, особенности производства ареста и обыска, правила применения электронного прослу-

шивания и наблюдения и многие другие. Например, в решении по делу Миранда против штата Аризона (*Miranda v. Arizona*, 384 U.S. 436 1966 г.), сформулирована новая судебская доктрина, затрагивающая правовой статус арестованного; в решении по делу Мэпп против штата Огайо (1961 г.) установлен запрет на использование в судебном процессе доказательств, полученных в ходе незаконного обыска; в решении по делу Эскобедо против штата Иллинойс (*Escobedo v. Illinois*, 378 U.S. 478 1964 г.) закреплено право любого лица иметь защитника после ареста, многие вопросы, связанные с проведением обыска, урегулированы благодаря решениям Верховного суда США по делам Уэлса (1990 г.), Хиска (1987 г.), Смита (1979 г.), Плейса (1983 г.), Корни (1985 г.), Гринвуда (1988 г.)³.

Нормы американского общего права изложены в систематизированном виде в издании Американского института права под названием *Restatement of Law*. Следует подчеркнуть, что указанное частное издание даже отдаленно не напоминает континентальные кодексы. Это своего рода справочник, где можно отыскать решения судебной практики по тому или иному вопросу.

Как отмечалось выше, единой правовой системы в США нет: существует федеральная правовая система и 50 правовых систем штатов.

В каждом штате имеется своя конституция, которая по аналогии с федеральной конституцией регламентирует ряд вопросов уголовного судопроизводства, существуют и иные законодательные акты, направленные на регламентацию конкретных вопросов уголовного судопроизводства. В некоторых штатах это законодательство кодифицировано, как в штате Пенсильвания, в котором действуют Правила уголовного судопроизводства Пенсильвании⁴. В штате Калифорния, например, в 1872 г. был принят так называемый Стандартный уголовный кодекс (*The Standard Penal Code*), который состоит из введения и четырех частей. Часть вторая представляет собой уголовно-процессуальный кодекс штата, в котором регулируются многие вопросы, возникающие в связи с производством по уголовным делам⁵.

В последнее время значительно возросло административное нормотворчество органов исполнительной власти, осуществляемое на основе полномочий, делегируемых им законодательными органами. Административные акты – приказы, правила, директивы, инструкции, целью которых является конкретизация, детализация законов, – часто подменяют их, поскольку фактически имеют равную юридическую силу. Это всевозможные исполни-

¹ См.: Пешков М.А. Источники уголовно-процессуального права США // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юрид. науки. М., 2000. № 1. С. 108.

² См.: Гуценко К.Ф. Уголовный процесс основных капиталистических государств (Англия. США). Вып. 1. М., 1969. С. 110.

³ См.: William Bernem. *Introduction to the Law and Legal System of the U. S.*, part 7, *Criminal Procedure*, West Publisher Corp., 1995. S. 65.

⁴ См.: Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. Т. 2. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. С. 740-758.

⁵ См.: Гуценко К.Ф. Указ. соч. С. 112.

тельные приказы президента, инструкции, руководства, приказы Департамента юстиции, Министерства обороны (для дел, рассматриваемых органами военной юстиции и т. п.).

Так, оперативно-розыскная и следственная работа Федерального бюро расследований (ФБР) регламентируется в основном четырьмя административными актами, изданными Генеральным прокурором и Президентом, к которым относятся следующие.

1. Инструктивное письмо Генерального прокурора директору ФБР от 15 декабря 1976 г. «Использование осведомителей в расследовании по делам внутренней безопасности, организованной преступности и по другим уголовным делам».

2. Инструкция Генерального прокурора о порядке проведения секретных операций ФБР (январь 1981 г.).

3. Исполнительный приказ Президента США от 4 декабря 1981 г. № 12333 «Разведывательная деятельность США».

4. Инструкция Генерального прокурора о порядке расследования по делам об общеуголовных преступлениях, деятельности предприятий, организованной преступности, внутренней безопасности и терроризме (7 марта 1983 г.)⁶.

Как было отмечено выше, секретные операции регламентируются инструкциями по проведению секретных операций, осуществляемых ФБР либо самостоятельно, либо совместно с Администрацией по применению законов о наркотиках. Аналогичные инструкции приняла Служба иммиграции и натурализации, Администрация по применению законов о наркотиках, другие правоприменяющие ведомства. Инструкции созданы для того, чтобы центральный аппарат ФБР мог тщательно проверить ход проводимых на местах операций, требующих особой деликатности, минимизировать риск нанесения ущерба гражданам или вторжения в их личную жизнь в результате проведения операций, повысить эффективность расследования.

В Германии основным нормативно-правовым актом, регулирующим расследование преступлений, является Уголовно-процессуальный кодекс (*StPO – Strafprozess-ordnung*), принятый 1 февраля 1877 г. и изложенный в редакции от 7 апреля 1987 г. с последними изменениями от 20 декабря 1999 г. Хотя он является одним из старейших законодательных актов Германии, принятых в числе имперских законов – *Reichsjustizgesetze*, однако многократно изменялся и ныне состоит из восьми книг.

За время своего более 120-летнего существования УПК ФРГ подвергался многочисленным изменениям и дополнениям. В них прослеживаются довольно противоречивые тенденции развития германского уго-

ловно-процессуального законодательства: с одной стороны, дальнейшее закрепление в нормах закона либерально-демократических требований защиты прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве, процессуальных гарантий, с другой – стремление ограничить права лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и их гарантии, упростить уголовное судопроизводство⁷.

В Конституции ФРГ провозглашены отдельные общие принципы правосудия и содержатся важные нормы о судебном контроле за законностью задержания и ареста.

К источникам германского уголовно-процессуального права относится также Конвенция о защите прав человека и основных свобод, ратифицированная Бундестагом в 1952 г. В соответствии с разъяснением Федерального конституционного суда она является составной частью федерального права. В ней провозглашены многие имеющие существенное значение для уголовного процесса положения (например, о правах человека на свободу и безопасность, гарантиях от произвольного задержания и ареста, судебной проверке законности и обоснованности содержания под стражей, презумпции невиновности, праве каждого гражданина на рассмотрение его дела в суде, праве на защиту и выступление в процессе на родном языке.). На федеральном уровне действуют законы, которые также являются источниками уголовно-процессуального права.

После Основного закона и УПК следующим по важности является Закон о судостроительстве в редакции от 9 мая 1975 г. с последними изменениями от 22 декабря 1999 г. Следует согласиться с профессором К. Роксиним, который отмечает, что этот Закон, определяя подсудность, компетенцию суда, прокуратуры, играет существенную роль как источник уголовно-процессуального права и применяется с учетом принятых в землях законов о его введении в действие⁸.

В ряде других законов также содержатся определенные нормы процессуального характера, связанные с расследованием преступлений. Например, Закон «О всеобщем полицейском розыске» от 19 апреля 1986 г. в целях задержания подозреваемых и раскрытия преступлений наделил полицию правом вводить в электронные оперативно-справочные системы обширную оперативную информацию, собранную на граждан, а также автоматически «прочитывать» с помощью компьютеров специально изготовленные паспорта и удостоверения личности с закодированными в них сведениями об их владельцах.

⁷ См.: Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М.: ИКД «Зерцало», 2001. С. 393.

⁸ См.: Roxin C. Einführung // STPO. 26. Aufl. - München: Beck-Texte im dtv, 1995. S. IX (Роксин К. Введение // УПК ФРГ. 26-е изд. Мюнхен: Бек-тексты, 1995. С. IX).

⁶ См.: Смирнов М.П. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: Учебное пособие. М.: Экзамен, 2002. С. 103.

Закон «О борьбе с нелегальной торговлей наркотиками и другими формами организованной преступности» от 15 июля 1992 г. дополнил УПК параграфами, регулирующими производство негласных оперативно-розыскных мероприятий (в частности, оперативное внедрение официальных сотрудников полиции в качестве секретных агентов в преступные организации, негласное фотографирование, негласное наружное наблюдение, негласное использование соответствующих технических средств).

Нормы, касающиеся расследования преступлений, также содержатся в следующих законах:

Законе о введении в действие Закона о судостроительстве (*EGGVG*) от 27 января 1877 г.;

законах, обеспечивающих действие УПК в новых землях;

Законе о федеральной регистрации преступлений от 18 марта 1971 г. (*Gesetz über das Zentralregister und das Erziehungsregister – BZRG*) в редакции от 21 сентября 1984 г. с последними изменениями от 17 декабря 1999 г.;

Законе об ограничении тайны писем, почтовых, телефонных, телеграфных и иных сообщений от 13 августа 1968 г. и других.

На уровне земельного законодательства (в ФРГ 16 земель) источником уголовно-процессуального права являются Конституции земель, которые регулируют вопросы ареста, обыска, права на законного судью и т. п. При этом, естественно, должны обеспечиваться все процессуальные права, провозглашенные Конституцией ФРГ.

Следует отметить, что органы Федерации имеют в соответствии со ст. 31 Основного закона преимущественную компетенцию в сферах уголовного процесса, а органы земель не могут издавать законы, изменяющие УПК. Однако нормативное регулирование работы полиции является делом земель. Поэтому они вправе издавать законы (не противоречащие федеральным), регулирующие деятельность полиции. Например, Закон о полиции земли Северный Рейн-Вестфалия от 25 марта 1980 г., дополненный Законом от 26 июня 1984 г., определяет задачи и функции полиции, а также содержит нормы, регулирующие оперативно-розыскную и следственную работу полиции.

Важнейшим источником являются также принятые отдельными законами земель от 1 января 1977 г. «Рамочные предписания для уголовного процесса и административного производства» (*Richtlinien für das Strafverfahren und das Bußgeldverfahren*), действующие в настоящее время для всей Федерации в редакции от 1 июля 1998 г. В них дается обязательный для полиции и прокуратуры как органов исполнительной власти (но не суда) комментарий к уголовному судопроизводству. Например, процессуальное положение прокурора определено федеральными законами. В Рамочных предписаниях дополнительно предписывается, что прокурор должен в трудных случаях с самого начала сам расследовать дело, а именно сам выезжать на место пре-

ступления, сам допрашивать обвиняемого. Приложениями к этому акту являются «Общие рамочные предписания министров юстиции и внутренних дел Федерации и земель по применению непосредственного принуждения полицией по требованию прокуратуры»; «Рамочные предписания об использовании помощи прессы при розыске преступников» и другие акты, принятые в 1973, 1974 и 1991 гг.

Вместе с тем иногда считается, что это лишь общие административные предписания, нарушение которых представляет должностной проступок, значимый только для служебного надзора. Однако данное обстоятельство значительным образом не меняет значение названного источника⁹.

Существенное значение в сфере уголовного процесса имеют также материальные уголовные законы¹⁰.

Подводя итоги вышеизложенному, необходимо отметить, что расследование преступлений в данных странах регулируется либо чисто в форме закона (ФРГ), либо смешанно, когда отдельные аспекты регламентируются законами, а другие – административными правовыми актами (США).

Как в первом, так и во втором случаях важно то, что вышеуказанные правовые акты, предоставляя органам расследования преступлений при проведении оперативно-розыскных и следственных мероприятий достаточно обширные возможности, сочетают их с высокой ответственностью и такими развитыми формами контроля, как парламентский, правительственный, судебный, прокурорский. В США, например, этот контроль осуществляется со стороны обеих палат Конгресса. Действует также контроль со стороны руководства и аппарата Госдепартамента и Белого дома. В ФРГ – депутатскими комиссиями бундестага.

Имеет значение также и то, что правовая регламентация расследования преступлений в данных странах представляет собой предписания открыто публикуемых законодательных и иных правовых актов. Поэтому такой подход к определению правового режима расследования преступлений имеет профилактический характер, ибо каждому гражданину понятно, в каких ситуациях и объектом каких оперативно-розыскных и следственных процедур он может стать в случае противоправного поведения.

---

⁹ См.: Kramer B. Grundbegriffe des Strafverfahrensrechts. 4. Aufl. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 1999. S. 4 (Краммер Б. Основные понятия уголовно-процессуального права. 4-е изд. Штутгарт: В. Кольхаммер, 1999. С. 4).

¹⁰ Проф. Ф.-К. Шредер считает, что жесткой линии между уголовным процессом и уголовным правом провести нельзя, поскольку нормы о частном обвинении как предпосылке уголовного процесса (*Straftauftrag*) вообще находятся в УК, но являются по своей природе процессуальными. См.: Schroeder F.-C. Op. cit. S. 4.

О. А. З а й ц е в,
доктор юридических наук, профессор
(ВНИИ МВД России);
Ф. Г. А б д у л л а е в
(Министерство юстиции РФ
по Республике Дагестан)

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА УЧРЕЖДЕНИЯ, ИСПОЛНЯЮЩЕГО НАКАЗАНИЕ

В новом Уголовно-процессуальном кодексе РФ впервые на законодательном уровне закреплено понятие «начальник органа дознания». Это должностное лицо органа дознания, уполномоченное поручать производство дознания дознавателю и наделенное отдельными процессуальными полномочиями (п. 17 ст. 5 УПК РФ).

В тех органах дознания, которые в соответствии с законом, представлены руководителями учреждений, процессуальной фигуры начальника органа дознания нет. Она сливается с органом дознания. Однако и здесь существует настоятельная необходимость в более подробном законодательном урегулировании процессуальных отношений между органом дознания, когда им является руководитель учреждения, и подчиненными ему сотрудниками, которым передаются полномочия органа дознания.

Для руководителя учреждения как органа дознания характерно, что его процессуальная деятельность направлена «внутри учреждения», осуществляется в отношении лиц, подчиненных ему по службе. Осуществление процессуальной деятельности начальником учреждения как органом дознания является одним из средств обеспечения соблюдения дисциплины и порядка подчиненными ему лицами¹.

Признание таких руководителей органом дознания вызвано прежде всего особенностями функционирования учреждений, преследует цель более эффективно реагировать на совершаемые преступления, встречающиеся со стороны определенной категории граждан и на определенной территории, используя всю полноту

компетенции, которой эти руководители наделены и как исполнительно-распорядительные органы, и как органы дознания².

Учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы (исправительные учреждения), образуют в своей совокупности уголовно-исполнительную систему, деятельность которой регулируется УИК РФ, Законом Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и другими нормативными правовыми актами.

В полной мере на исправительные учреждения возлагаются конкретные задачи по достижению целей уголовного наказания уголовно-исполнительного законодательства. Данные цели реализуются с помощью указанных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ основных средств исправления.

В соответствии с ч. 5 ст. 16 Уголовно-исполнительного кодекса РФ начальники исправительных учреждений – это начальники «учреждений уголовно-исполнительной системы», т. е. начальники арестных домов, исправительных центров, исправительных и воспитательных колоний, тюрем, лечебно-исправительных учреждений (ч. 1 ст. 47, ст. 68, 74 УИК РФ).

Основная деятельность начальника исправительного учреждения направлена на исполнение уголовных наказаний в виде лишения свободы, которая сама по себе многопрофильна и разнообразна (ст. 14 Закона об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы³). Как руководитель исправительного учреждения он отвечает за обеспечение режима отбывания наказания, соблюдение прав и осуществление обязанностей осужденных, за производственную деятельность и соблюдение законности всеми сотрудниками учреждения, за решение иных задач, вытекающих из уголовно-исполнительного законодательства. В то же самое время начальник исправительного учреждения осуществляет контроль и руководство оперативно-розыскной, а также уголовно-процессуальной деятельностью, несет полную ответственность за качество и законность осуществляемых оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий. Контроль за уголовно-процессуальной деятельностью начальник учреждения, исполняющего наказание, осуществляет путем утверждения постановлений сотрудников исправительного учреждения, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, заслушивании ин-

---

² См.: Шурухнов Н.Г. Процессуальные и организационные особенности проведения предварительной проверки органом дознания – руководителем учреждения // Проблемы профилактики правонарушений в местах лишения свободы. М., 1985. С. 81.

³ См.: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316.

---

¹ См.: Гуткин И.М. Вопросы совершенствования процессуального и организационного руководства в сфере дознания // Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел. М., 1984. С. 5.

формации о ходе производства неотложных следственных действий, непосредственного участия в процессуальных действиях⁴.

Таким образом, начальник исправительного учреждения является не только органом дознания, но и в большей степени руководителем, ответственным за нормальное функционирование подразделения, где сосредоточено определенное количество лиц, отбывающих наказание.

В юридической литературе высказывалась точка зрения о том, что органом дознания в исправительном учреждении является не только его начальник, но и штатный заместитель начальника⁵. На практике встречаются случаи, когда полномочия начальника исправительного учреждения как органа дознания осуществляют другие сотрудники уголовно-исполнительной системы, в том числе начальники территориальных и центральных органов управления этой системы (п. 2 и 3 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г.). Названные должностные лица в ряде случаев сами, без соответствующего на то указания начальника, принимают решение о возбуждении уголовного дела, утверждают постановления о его передаче по подследственности, принимают иные процессуальные решения. Свои действия они объясняют тем, что в соответствии с ч. 2 ст. 26 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих наказание в виде лишения свободы» в обязанности сотрудников уголовно-исполнительной системы независимо от занимаемой должности, места нахождения и времени суток вменяется: в случае непосредственного обнаружения правонарушений применять меры к их предотвращению и пресечению, а также задержанию лиц, подозреваемых в совершении этих преступлений. Также этим же Законом предусмотрено право учреждений, исполняющих наказание, производить в предусмотренных законодательством случаях и порядке уголовно-процессуальные действия (п. 11 ст. 14).

Мы считаем, что подобные положения вступают в явные противоречия с УПК РФ и в силу верховенства последнего применяться не могут. Подобная практика является результатом неоправданного расширенного толкования действующего уголовно-процессуального законодательства, которое прямо персонифицирует начальников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ как орган дознания. Никто, кроме указанных руководителей не наделен его полномочиями. Исключение составляют случаи, когда должностные лица исправительного учреж-

дения исполняют обязанности начальника во время его отсутствия, а также когда он делегировал свои полномочия сотруднику исправительного учреждения для осуществления процессуальной деятельности.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ не наделяет начальников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции правом расследования преступлений в форме дознания, предусмотренной ст. 223-226 УПК РФ. Тем самым реализовано одно из направлений Концепции судебной реформы в Российской Федерации о возложении на начальников мест лишения свободы функции возбуждения уголовных дел и производства по ним неотложных следственных действий⁶.

Компетенция начальника учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ распространяется на уголовные дела о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующего учреждения, а также о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений иными лицами (п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ).

Как известно, уголовное законодательство не знает категории преступлений против установленного порядка несения службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ, совершенных сотрудниками этой системы. Данное понятие имеет не уголовно-правовое, а уголовно-процессуальное значение. По мнению З.Д. Смитиенко, под преступлениями против установленного порядка несения службы следует понимать преступное нарушение установленных правил несения службы сотрудником учреждения, в том числе и нарушения режима содержания осужденных, регулируемого уголовно-исполнительным законодательством и ведомственными нормативными актами⁷.

Таким образом, данный вопрос решается на общих основаниях, с учетом предметного и персонального признаков подследственности. Как правило, речь идет о совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы преступлений против порядка управления, против правосудия, должностных и иных преступлений, связанных с установленным в учреждении порядком несения службы, нарушения режима содержания осужденных.

Проведенное нами изучение 167 уголовных дел, расследование которых осуществлялось в исправительных учреждениях Республики Дагестан, показало, что самыми распространенными преступлениями в учреждениях, исполняющих наказание, являются: незаконный оборот наркотических средств (41,9%), причинение вреда здоровью различной степени тяжести (31,1%), дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изо-

⁴ См.: Анастасов Е.В., Самалдыков М.К. Дознание в ИТУ // Исправительно-трудовые учреждения. 1978. № 6. С. 47.

⁵ См., напр.: Михайленко А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов, 1975. С. 114; Петуховский М.А. Дознание и предварительное следствие в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1979. С. 28-31.

⁶ См.: Концепция судебной реформы в РСФСР. М., 2001. С. 112-113.

⁷ См.: Смитиенко З.Д. Организация и процессуальные вопросы дознания в системе исправительно-трудовых учреждений: Дис... канд. юрид. наук. М., 1974. С. 41.

ляцию от общества (12,8%), побег из места лишения свободы, а также невозвращение осужденных, которым был разрешен выезд за пределы исправительного учреждения, (11,1%).

Требуется решение вопроса о том, охватывает ли понятие «расположение указанных территорий» ограниченную по периметру специальными заграждениями и охраняемую территорию или оно включает также административно-хозяйственные строения, контрагентные объекты, транспортные средства, с помощью которых организовано перемещение осужденных, а также маршруты их передвижения без конвоя?

Большинство авторов, обращавшихся к решению данной проблемы, считают, что охраняемые объекты, расположенные за пределами собственно территории исправительного учреждения, относятся к расположению учреждения. Разногласия возникают только в отношении маршрутов передвижения осужденных без конвоя.

В частности, В.К. Коломеец считает, что территория, по которой осуществляется передвижение лиц, пользующихся правом передвижения без конвоя, входит в понятие «расположение учреждения», а значит в случае совершения преступлений данными лицами начальники исправительных учреждений будут выступать как органы дознания⁸.

Противоположную позицию занимает З.Д. Смитиенко, относящая дела о преступлениях, совершенных лицами, пользующимися правом передвижения без конвоя, на их маршруте к компетенции милиции⁹.

Мы считаем, что более правильный подход к решению данной проблемы у М.А. Петуховского, по мнению которого маршрут передвижения осужденных без конвоя является смежным в системе обслуживания различными органами дознания. При совершении преступлений на данной территории уголовные дела будут возбуждаться как начальниками исправительных учреждений, так и милицией в зависимости от того, кто первым обнаружит признаки совершенного преступления¹⁰.

Изучение правоприменительной практики показывает, что органы местного управления, как правило, своим решением определяют границы территории, прилегающей к охранным сооружениям, где устанавливаются режимные требования. Исходя из этого, если, например, осужденный совершил преступление на предприятии, с которым исправительное учреждение заключило договор о привлечении осужденных к труду, то возбуждение

уголовного дела и производство неотложных следственных действий по данному факту в компетенцию начальника учреждения не входит¹¹.

Часто на практике возникает вопрос о правомерности возбуждения уголовных дел начальником исправительного учреждения в отношении осужденного, уклонившегося от отбывания наказания (ст. 314 УК РФ).

К примеру, осужденному на основании ст. 97 УИК РФ предоставлен неопределенный выезд за пределы места лишения свободы с вручением ему отпускного удостоверения. Перед его отъездом сотрудник органов внутренних дел по месту убийства осужденного дает администрации исправительного учреждения письменное поручительство, гарантируя обеспечение надзора за осужденным на время его отпуска и своевременное его возвращение к месту отбывания наказания. Мы считаем, что в случае совершения осужденным преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, вопрос о возбуждении уголовного дела и его расследовании должен решать орган внутренних дел по месту проведения отпуска.

Противники данной точки зрения считают, что по ст. 314 УК РФ уголовное дело обязан возбудить начальник учреждения, исполняющего наказание. Такой подход мотивируется тем, что осужденный не снимается с учета исправительного учреждения, а время нахождения за пределами колонии засчитывается в срок уголовного наказания, определенного приговором суда. Подобную позицию поддерживают и отдельные практики, которые утверждают, что в случае самовольной отлучки или дезертирство из воинской части уголовное дело возбуждают командиры воинских частей на правах органа дознания.

Приведенные точки зрения не только не состоятельны, но и не выдерживают никакой критики. Во-первых, осужденный, которому предоставлено право на краткосрочный выезд из исправительного учреждения, только формально состоит на специальном учете, так как администрация учреждения физически не в состоянии обеспечивать контроль за его поведением. Во-вторых, во время краткосрочного выезда осужденный приказом начальника исправительного учреждения снимается со всех видов довольствия. В-третьих, осужденный, находясь в отпуске, имеет право иметь при себе деньги, носить одежду гражданского образца, следовать любым видом транспорта к месту пребывания, совершать любые действия в рамках гражданского законодательства. Наконец, осужденный, пребывая в отпуске, может совершить любое преступление, за которое он будет привлечен к уголовной ответственности по месту его совершения.

Что касается проведения аналогии с действиями командира воинской части, то начальник исправительного учреждения также в случае обнару-

⁸ См.: Коломеец В.К. Особенности расследования преступлений в исправительно-трудовых учреждениях: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 12.

⁹ См.: Смитиенко З.Д. Указ. соч. С. 44.

¹⁰ См.: Петуховский М.А. Дознание и предварительное следствие в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1979. С. 25.

¹¹ См.: Минеев И. Дознание в исправительных учреждениях // Российская юстиция. 2001. № 8. С. 60.

жения побега осужденного возбуждает уголовное дело и проводит неотложные следственные действия.

Таким образом, в случае совершения любого преступления в расположении исправительного учреждения независимо от того, кем совершено преступление (сотрудником этого учреждения, лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы), начальник учреждения вправе возбудить уголовное дело и приступить к производству неотложных следственных действий. Это правило распространяется и в тех случаях, когда преступление на территории исправительного учреждения совершили гражданские лица.

Начальник исправительного учреждения обязан непосредственно возбуждать уголовные дела при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно не во всех случаях, а только при наличии определенного условия – необходимости производства неотложных следственных действий (ч. 1 ст. 157 УПК РФ). Если такая необходимость отсутствует, то решение вопроса о возбуждении уголовного дела, по которому обязательно производство предварительного следствия, как правило, не входит в компетенцию начальника учреждения, исполняющего наказание, как органа дознания. Данный вопрос должен быть решен прокурором в зависимости от того, к чьей подследственности закон относит производство предварительного следствия по такому делу.

Наряду с этим начальник учреждения, исполняющего наказание, должен принять все необходимые меры к предотвращению или пресечению преступлений, а также по сохранению следов преступления (ч. 3 ст. 145 УПК РФ).

Учитывая, что затягивание с возбуждением уголовного дела нередко влечет многочисленные негативные последствия, в юридической литературе высказывается мнение, что решение об уголовном преследовании должен принимать тот орган, у которого находятся материалы, содержащие повод и основание к возбуждению дела¹². На наш взгляд, данное утверждение возможно только в следующих случаях: во-первых, для пресечения обнаруженного преступления; во-вторых, когда для его предупреждения необходимо безотлагательное производство следственных действий; в-третьих, когда для закрепления следов обнаруженного преступления необходимо выполнение неотложных следственных действий, а следователь в силу объективных причин (болезнь, отдаленность от того места, где необходимо производить расследование, выполнение иной неотложной работы) не может принять дело к своему производству¹³. Кроме того, любая переда-

ча сообщения о преступлении по подследственности обычно замедляет темп расследования, усложняет собирание и оценку доказательств. Однако орган дознания не должен излишне широко возбуждать дела, следственные следователю, так как это будет отрывать работников органов дознания от непосредственных обязанностей по выполнению оперативно-розыскной и другой служебной деятельности.

Указанной точки зрения придерживается и С.В. Бородин, отмечая, что по делам, по которым предварительное следствие обязательно, должно приниматься решение о возбуждении уголовного дела органом дознания лишь в тех случаях, когда необходимо производство неотложных следственных действий, а следователь либо отсутствует в данный момент, либо по каким-то причинам не имеет возможности немедленно решить вопрос о возбуждении уголовного дела и лично включиться в расследование¹⁴. Аналогичное мнение высказывали и другие авторы¹⁵.

В целях решения данной проблемы отдельные ученые предлагали на законодательном уровне закрепить четкие критерии, предусматривающие, когда и в каких случаях орган дознания обязан возбудить уголовное дело, отнесенное к компетенции следователя¹⁶. На наш взгляд, всех конкретных ситуаций в УПК предусмотреть невозможно. Продуктивным может быть решение данной проблемы на ведомственном уровне. В частности, Инструкция по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений (утверждена приказом МВД России от 20 июня 1996 г. № 334)¹⁷ предусматривает три ситуации, в которых орган дознания возбуждает уголовные дела данной категории и проводит неотложные следственные действия, определенные уголовно-процессуальным законом: во-первых, когда необходимо пресечь преступление; во-вторых, когда следователь не может немедленно приступить к расследованию; в-третьих, когда промедление в реагировании на сообщение о подготавливаемом или совершенном преступлении может привести к утрате возможности задержания виновных с поличным, получения важных доказательств и обеспечения полного возмещения материального ущерба (п. 4.1.7).

Аналогичные ситуации возникают и при решении вопроса о возбуждении уголовного дела начальником исправительного учреждения. Чаще все-

¹⁴ См.: Бородин С.В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела. М., 1970. С. 12.

¹⁵ См.: Белозеров Ю.Н., Гуткин И.М., Чувилев А.А. Выполняя неотложные следственные действия // Сов. милиция. 1981. № 8. С. 56.

¹⁶ См.: Краенский Е.А. О путях совершенствования регулирования деятельности органов дознания по производству неотложных следственных действий // Проблемы предварительного следствия и дознания. М., 1987. С. 42-49.

¹⁷ См.: Вопросы расследования преступлений: Справочное пособие / Под общ. ред. И.Н. Кожевникова; науч. ред. А.Я. Качанов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 253.

¹² См.: Павлов Н.Е. Субъекты уголовного процесса. М., 1997. С. 60.

¹³ См.: Ягодинский В.Н. Подследственность преступлений органам внутренних дел УССР: Дис... канд. юрид. наук. Киев, 1988. С. 86.

го данные учреждения находятся на большом удалении от крупных населенных пунктов. Доступ к ним, особенно где отсутствует железная дорога, всегда затруднен для следователей, которым подследственны дела о преступлениях, совершенных на территории исправительных учреждений. В силу различных климатических условий (разливы рек, бураны и т. п.) следователи нередко лишаются возможности своевременного прибытия к месту происшествия для его осмотра и производства следственных действий. В указанных случаях начальник исправительного учреждения как орган дознания вправе возбудить уголовное дело, по которому производство предварительного следствия обязательно, и произвести расследование по горячим следам¹⁸.

Процессуальные полномочия начальника учреждения, исполняющего наказание, как органа дознания условно можно разделить на две основные группы:

1) процессуальные полномочия, осуществляемые на стадии возбуждения уголовного дела;

2) процессуальные полномочия, осуществляемые на стадии предварительного расследования.

В первую группу входят следующие основные полномочия:

принятие и проверка сообщений о любом совершенном или готовящемся преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

по поручению прокурора проведение проверок по сообщениям о преступлениях, распространенных в средствах массовой информации (ч. 2 ст. 144 УПК РФ);

по соответствующему ходатайству сотрудника исправительного учреждения, осуществляющего уголовно-процессуальную деятельность, продление 3-суточного срока проверки сообщения о преступлении до 10-ти суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ);

по результатам рассмотрения сообщения о преступлении принятие одного из следующих решений:

а) о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ;

б) об отказе в возбуждении уголовного дела;

в) о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ;

в случае принятия решения, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ, осуществление мер по сохранению следов преступления (ч. 3 ст. 145 УПК РФ).

---

¹⁸ См.: Химичева Г.П. Рассмотрение милицией заявлений и сообщений о преступлении. М., 1997. С. 17.

Во вторую группу можно включить следующие полномочия:

возбуждение уголовных дел и производство неотложных следственных действий по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ, а также о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами (п. 4 ч. 2 ст. 157 УПК РФ);

поручение производства неотложных следственных действий подчиненным сотрудникам (ч. 1 ст. 41 УПК РФ);

дача указаний сотруднику исправительного учреждения, осуществляющему уголовно-процессуальную деятельность;

принятие процессуальных решений в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством при производстве неотложных следственных действий по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно;

направление прокурору в соответствии с п. 3 ст. 149 УПК РФ уголовных дел после производства неотложных следственных действий (ч. 3 ст. 157 УПК РФ);

в случае направления прокурору уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, принятие розыскных и оперативно-розыскных мер в целях установления виновного (ч. 4 ст. 157 УПК РФ);

проведение процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий по поручению следователя (п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 4 ст. 157 УПК РФ);

оказание помощи следователям в проведении ими отдельных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ).

Кроме вышеуказанных полномочий, начальник исправительного учреждения в сфере уголовно-процессуальной деятельности осуществляет:

организацию приема, учета, регистрации и проверки сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях;

обучение в системе служебной подготовки сотрудников исправительного учреждения порядку приема, учета, регистрации, проверки сообщений о преступлениях, а также осуществления неотложных следственных действий;

организацию проведения неотложных следственных действий, розыскных и оперативно-розыскных мероприятий для установления лица, совершившего преступление, выполнения поручений следователя по уголовному делу;

осуществление контроля за уголовно-процессуальной деятельностью подчиненных ему сотрудников;

организацию анализа результатов, планирования, отчетности процессуальной деятельности в учреждении;

обобщение передового опыта уголовно-процессуальной деятельности органов дознания в исправительных учреждениях;

кадровое обеспечение расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказание;

разработку и внедрение методических рекомендаций по совершенствованию процессуальной деятельности в руководимом им учреждении;

организацию взаимодействия подразделений исправительного учреждения со следственными и другими подразделениями правоохранительных органов; а также ряд иных полномочий организационно-управленческого характера.

Таким образом, кроме своих основных функций (оперативно-служебной, производственно-хозяйственной, финансовой, режимно-профилактической, оперативно-розыскной), начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции осуществляют большую процессуальную деятельность. Эта деятельность является одним из средств обеспечения соблюдения дисциплины и порядка подчиненными им сотрудниками.

А. С. Е с и н а
(Московский университет МВД России)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОРУЧЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ

При расследовании преступлений следователи часто используют предоставленную им на законодательном уровне возможность пользоваться помощью органов дознания. Практически каждое уголовное дело содержит отдельное поручение следователя, направленное начальнику органа внутренних дел или его заместителям, с указанием о производстве оперативно – розыскных, следственных или розыскных мероприятий по уголовному делу. Правовой основой направления указанного документа является действующее уголовно-процессуальное законодательство. Так, в частности ст. 38 УПК РФ, устанавливая полномочия следователя, указывает в ч. 4 на право следователя давать органу дознания *тáуçàòáññ ùá äëü èññ òëíáí èü* письменные поручения.

В большинстве случаев помощь органов дознания, оказанная следователю при расследовании преступлений, оказывается действительно эффективной и результативной, а их совместная деятельность по расследованию преступлений – плодотворной и действенной.

Однако нельзя не отметить и того факта, что сотрудники следственных подразделений в отдельных случаях злоупотребляют своими полномочиями и поручают органам дознания выполнение таких следственных действий, которые они вполне могли бы осуществить сами. Нередки случаи, когда следователи фактически переключают свои обязанности на органы дознания, что вызывает негативное отношение со стороны последних и ведет к конфликтным ситуациям на практике.

В этой связи вполне закономерно возникает вопрос: какие именно следственные действия и в каком объеме следователь может поручить для исполнения органу дознания?

В уголовно-процессуальном законе отсутствуют прямые указания на этот счет. Данное обстоятельство позволяет следователю самому определять объем и содержание следственного поручения. Представляется, что такое положение вещей не всегда оправданно, поскольку органы дознания, хотя и призваны содействовать органам предварительного следствия, вместе с тем уголовно-процессуальным законом на них возложены и иные уголовно-процессуальные обязанности (производство дознания, неотложных следственных действий и др.)

Для разрешения обозначенной проблемы следовало бы выработать и закрепить в законе условия, при которых будет оправдан объем следственных действий, поручаемый органу дознания.

В этой связи большое практическое значение имеет разрешение вопроса о том, **что** должно быть определяющим при выборе следственных действий, которые следователь предполагает поручить производством органу дознания.

В юридической литературе по данному поводу высказаны различные точки зрения. Так, например Г.В. Дроздов, Г.Д. Луковников полагают, что следователь не вправе поручать производство **наиболее важных действий**¹. Однако, что понимать под наиболее *важными* следственными действиями авторы не разъясняют. В.М. Быков, например, относит к важным следственным действиям такие, в ходе производства которых получены важные доказательства².

Однако при расследовании преступлений следователь не всегда имеет возможность предугадать результат следственного действия. Насколько доказательство оказалось ценным, можно судить после его оценки, сопос-

---

¹ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. В.М. Лебедева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1997. С. 243; Луковников Г.Д. Органы дознания в системе досудебного производства по уголовным делам: Дис... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 46.

² Быков В.М. Психологические аспекты взаимодействия следователя и органа дознания. Омск, 1976. С. 47.

тавляя с другими доказательствами. В любом случае это можно сделать только после производства следственного действия.

Самый обычный допрос может неожиданно обернуться получением очень важного, весомого доказательства. С нашей точки зрения, не допустимо делить следственные действия на **важные** и **неважные**. В этой связи такой критерий как «важность» следственного действия нельзя признать удачным, при решении вопроса о возможности поручения производства следственного действия органу дознания.

Другие авторы полагают, что не могут поручаться органу дознания выполнение таких действий, которые следователь **обязан во всех случаях выполнять сам**³.

Однако по смыслу уголовно-процессуального закона только следователь и должен производить следственные действия по уголовному делу, находящемуся у него в производстве, поскольку именно он является надлежащим субъектом расследования. Однако в силу различных причин следователь не всегда может сам выполнить все необходимые следственные действия по уголовному делу. Учитывая это обстоятельство, законодатель и предусмотрел возможность использования помощи органов дознания. Критерий «во всех случаях сам» как бы исключает в принципе возможность воспользоваться помощью органов дознания.

Причины, по которым следователь не может самостоятельно произвести то или иное следственное действие, могут быть различны. Это может быть и удаленность местонахождения следователя от места предполагаемого производства следственного действия (например, в другом городе). Причиной может быть и большая загруженность следователя по другим уголовным делам. Наконец, может возникнуть необходимость производства нескольких следственных действий одновременно и другие причины. Очевидно одно – какова бы не была причина, препятствующая следователю произвести следственное действие лично, главное – *есть ли возможность поручить это действие органу дознания*. Думается, что только при этом условии будет оправданно поручение следователя о производстве следственных действий по уголовному делу другим лицам.

Невозможность производства следственного действия самим следователем и следует рассматривать как условие, определяющее объем (перечень) следственных действий, поручаемых органу дознания. С нашей точки зрения, ч. 4 ст. 38 УПК РФ следует дополнить соответствующим положением, а именно: указать на право следователя давать органу дознания

обязательные для исполнения отдельные поручения о производстве следственных действий только **при невозможности выполнить их следователем самостоятельно**.

Рассмотрим полномочия следователя давать органу дознания поручения о производстве процессуальных действий.

Подчеркнем, что речь идет не о процессуальных решениях, а именно о процессуальных действиях, направленных на исполнение каких-либо процессуальных решений. Уголовно-процессуальный закон не предусматривает полномочий следователя по делегированию принятия процессуальных решений органом дознания. С нашей точки зрения это правильно, так как принятие процессуальных решений требует оценки доказательств, что является исключительной компетенцией лица, в чьем производстве находится уголовное дело. В этой связи принятие процессуальных решений не может быть поручено органам дознания. Другое дело, когда наравне со следственными действиями органу дознания могут быть поручены для исполнения различные процессуальные решения, например о приводе, о задержании.

Данные полномочия органа дознания получили законодательное закрепление в ст. 38 УПК РФ, где указано, что органы дознания обязаны исполнять постановления о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий. Таким образом, следователь вправе поручить *исполнить* процессуальные решения, однако при этом ничего не говорится о полномочиях органов дознания принимать процессуальные решения по уголовному делу.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о сроках исполнения поручений. Дело в том, что, уполномочив другого субъекта процессуальной деятельности на производство следственных и розыскных действий, необходимо определиться со сроком действия этих полномочий.

Это положение является важным с точки зрения продолжительности нахождения органа дознания в качестве надлежащего субъекта сбора доказательств по уголовному делу, находящемуся в производстве у другого органа расследования.

Ст. 38 УПК РФ не указывает срок исполнения поручения следователя. В правоприменительной практике органы расследования при исполнении поручения следователя руководствуются правилами, установленными ст. 152 УПК РФ, обязывающей в случае производства следственных и розыскных действий по поручению следователя, выполнять поручение в срок не позднее 10 суток. Однако указанный срок законодатель установил применительно к поручениям о производстве следственных и розыскных действий *в другом месте*, т. е. не по месту производства расследования. Использование положений ст. 152 УПК РФ по аналогии применительно к исполнению поручения следователя в порядке ст. 38 УПК РФ возможно и

³ См.: Белозеров Ю.Н., Чугунов В.Е., Чувилев А.А. Дознание в органах милиции и его проблемы. М., 1972. С. 86; Михайлов А.И. Отдельное поручение следователя. М., 1971. С. 12.

оправданно. Однако возникает вопрос о целесообразности установления такого срока применительно ко всем поручениям.

Отдельные авторы полагают, что поручение следователя в некоторых случаях должно исполняться немедленно или на следующий день после его получения⁴. Действительно, необходимость немедленного исполнения поручения может предполагаться следователем. Например, когда запланировано одновременное производство нескольких обысков в разных местах по одному и тому же уголовному делу. Промедление с исполнением такого следственного действия может привести к бесполезности его производства чуть позднее.

Вместе с тем исполнение некоторых поручений следователя, особенно касающиеся производства розыскных мероприятий, наоборот, требует длительной работы органа дознания, которые могут не уложиться в рамки десятидневного срока. Например, проведение таких розыскных мероприятий как проверка камер хранения железнодорожных вокзалов с целью установления похищенного, или отработка жилого сектора (по квартирному обходу) с целью выявления свидетелей и очевидцев происшедшего, или организация засад с целью задержания подозреваемого и другие⁵.

В этой связи целесообразным представляется введение в закон такого правила, по которому срок исполнения поручения определялся бы самим следователем с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела, а также с учетом оставшегося для расследования процессуального срока. Полагаю, что данное дополнение необходимо внести в ст. 38 УПК РФ.

Хотелось бы рассмотреть еще один аспект относительно содержания отдельного поручения следователя. Речь идет о полномочиях следователя давать органу дознания поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий.

Следует заметить, что новый уголовно-процессуальный закон Российской Федерации (ст. 38 УПК РФ) впервые закрепил полномочия следователя давать поручения на осуществление оперативно-розыскных мероприятий. До 1 июля 2002 г. правовой основой деятельности по исполнению поручения следователя о производстве оперативно-розыскных мероприятий по праву считался Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). В частности, ст. 7 указанного нормативного акта устанавливает, что основаниями для производства оперативно-розыскных мероприятий являются **поручения следователя**. Полномочия органов предварительного расследования о направлении поруче-

⁴ См.: Рыжаков А.П. Указ. соч. С. 129.

⁵ См.: Дознание в органах внутренних дел: Учебное пособие / Под ред. проф. А.А. Чувилева. М., 1986. С. 138.

ний на производство оперативно-розыскных мероприятий, безусловно, должны предусматриваться именно в Уголовно-процессуальном кодексе, а не вытекать из предусмотренной Федеральным законом обязанности оперативных подразделений выполнять такие поручения. С этой точки зрения редакция ч. 4 ст. 38 УПК РФ представляется более удачной по сравнению с текстом прежнего закона.

Вместе с тем нельзя согласиться с законодательным установлением, изложенным в ч. 4 ст. 38 УПК РФ, о том, что поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий следователь направляет *íðàí ó àñçáí èÿ*. Дело в том, что в соответствии с Законом об ОРД правом проведения оперативно-розыскной деятельности наделены *í á íðàí ù àñçáí èÿ*, а *ííðàò-òèáí ù á ííðàçàñáí èÿ* государственных органов исполнительной власти, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом (ст. 1).

На основании ст. 40 УПК РФ к органам дознания относятся органы внутренних дел, а также иные органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Такая редакционная конструкция позволяет предполагать, что перечисленные в ст. 13 Закона об ОРД субъекты оперативно-розыскной деятельности автоматически становятся и субъектами уголовно-процессуальной деятельности в качестве органа дознания на основании ст. 40 УПК РФ.

Данное законодательное положение представляется ошибочным. И дело не в том, что органы внутренних дел не могут быть субъектами оперативно-розыскной или уголовно-процессуальной деятельности. Представляется в принципе неверным именовать органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, *органами дознания* при осуществлении ими оперативно-розыскных мероприятий. Справедливо по данному поводу писал А.А. Чувилев: «Органы дознания – это органы предварительного расследования, в функции которых входит только *áñçáí í-íðòáñíáèí àÿ ááÿðáèí íðòí* Оперативно-розыскные нормы устанавливают компетенцию не органов дознания, а оперативно-розыскных органов. Об оперативно-розыскных мероприятиях в УПК речь должна идти только в связи с правом следователя (дознателя) давать письменные указания органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность о производстве оперативно-розыскных мероприятий»⁶.

Органы, указанные в ст. 13 Закона об ОРД, осуществляя оперативно-розыскные мероприятия, руководствуются нормами соответствующего нормативного акта, действуют за пределами уголовного судопроизводства.

⁶ Чувилев А.А. Оперативно-розыскное право. М., 1999. С. 6,9.

ва и, конечно же, не в качестве органов дознания. Вместе с тем при наличии определенных предпосылок они вправе осуществлять и уголовно-процессуальную деятельность, например расследование в форме дознания в качестве органов дознания.

В этой связи хотелось бы привести справедливое с нашей точки зрения высказывание еще одного ученого-процессуалиста Г.И. Мачковского, который применительно к тексту ст. 117 УПК РСФСР писал: «Представляется, что милиция и любые указанные в законе органы и должностные лица могут именоваться органом дознания исключительно тогда, когда они осуществляют процессуальную деятельность по дознанию, действуют в порядке и формах, установленных уголовно-процессуальным законом. Во всех остальных случаях они являются не органами дознания, а органами милиции, госпоз надзора, капитанами морских судов и т. д.»⁷.

В специальной юридической литературе уже преобладающей является точка зрения о том, что государственные органы и должностные лица, названные законодателем в качестве органов дознания, *ὁ δὲ ἐπιπέτῳ ὁ δὲ ἀπὸ τοῦ ἀποπέτῳ ἰδὲ αἰτίαι ἐξ, εἰ μὴ τίς ἐστὶν ἡ ἐξουσία ἡ ἐπιπέτῳ ἡ ἀποπέτῳ ἡ ἐξουσία ἡ ἐπιπέτῳ ἡ ἀποπέτῳ ἡ ἐξουσία*.

Законодательное установление о том, что органы дознания вправе осуществлять оперативно-розыскные мероприятия, следует исключить из текста уголовно-процессуального закона. Субъекты уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности должны быть разные. Другое дело, что эти разные направления деятельности могут возлагаться на одни и те же ведомства. Так, например, в Федеральном законе «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации» (1995 г.) законодатель устанавливает обязанность *органов ФСБ* осуществлять как оперативно-розыскные мероприятия (ст. 10), так и дознание, предварительное следствие по делам, отнесенным к их компетенции (ст. 12). В Таможенном кодексе Российской Федерации в ст. 222 установлены полномочия таможенных органов как *органов дознания*, а в ст. 224 – полномочия этих же таможенных органов как *субъектов оперативно-розыскной деятельности*. Очевидно, что в указанных законодательных актах речь идет о разных функциях, которыми законодатель наделяет одни и те же ведомства.

Отметим, что законодатель и в уголовно-процессуальном законе указывает на невозможность возложения полномочий по проведению дознания

на то лицо, которое проводило или проводит по этому же уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия (ч. 2 ст. 41 УПК РФ).

Кроме того, в ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД сказано, что *органы дознания вправе давать поручения* о проведении оперативно-розыскных мероприятий *органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность*. Статья 11 того же Закона предусматривает направление результатов оперативно-розыскной деятельности не только следователю и суду, но и *органу дознания*. После вступления в действие УПК РФ никакие дополнения или изменения в этой части в Закон об ОРД не вносились. Следовательно, законодатель полагает, что органы дознания наравне со следователем вправе давать поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий, но не самим себе, а органам, уполномоченным на их производство. Таким образом, очевидно, что законодатель в цитируемом нормативном акте различает органы дознания и субъектов оперативно-розыскной деятельности.

Очевидно, что имеет место коллизия между нормами федеральных законов (ст. 13 Закона об ОРД и ст. 38, 157 УПК РФ) в части определения субъектов оперативно-розыскной деятельности. На наш взгляд, она должна быть разрешена в пользу Закона об ОРД, так как его нормы имеют приоритетное значение перед нормами других отраслей права как специально регулирующие общественные отношения в сфере оперативно-розыскной деятельности⁹.

В этой связи следует признать, что следователь вправе давать поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий не органу дознания, а руководителю оперативного подразделения органов внутренних дел. Собственно, именно таким образом и решается вопрос на практике. Следователи направляют отдельные поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий, адресуя их либо начальнику криминальной милиции, либо начальнику ОВД.

В данной статье рассматриваемой проблеме уделено внимание с той точки зрения, что в уголовно-процессуальный закон следует внести необходимые уточнения в части определения субъектов оперативно-розыскной деятельности.

⁷ См.: Мачковский Г.И. О некоторых теоретических вопросах в советском уголовном процессе // Сов. гос. и право. 1989. № 11. С. 69.

⁸ См.: Павлов Н.Е. Органы предварительного расследования: Лекция. М.: Московский институт МВД России, 1994. С. 14; Чувилов А.А. Указ. соч. С. 9; Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / Под ред. В.П. Божьева. М., 1997. С. 222.

⁹ См.: Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России. М., 1993. С. 48-54; Он же. Применение органами дознания уголовно-процессуальных норм: Лекция. М.: МВШМ. МВД России, 1994. С. 13.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА НАЛОЖЕНИЕМ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

В структуре преступности высокий удельный вес занимают преступления корыстной направленности, которыми причиняется значительный имущественный вред физическим и юридическим лицам. По данным ГИЦ МВД России, в 2002 г. почти половину всех зарегистрированных преступлений (45,2%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 926,8 тыс., грабежа – 167,3 тыс., разбоя – 47,1 тыс. Две трети краж (62,4%), каждый восьмой грабеж (12,9%) и каждое третье разбойное нападение (26,4%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждая десятая зарегистрированная преступление (10,2%) – квартирная кража¹.

При расследовании уголовных дел о преступлениях, которыми потерпевшим причиняется имущественный вред, одним из ключевых процессуальных действий, призванных обеспечить компенсацию гражданам и юридическим лицам ущерба, является наложение ареста на имущество и ценные бумаги.

Согласно ст. 115 УПК РФ для того, чтобы наложить арест на имущество, прокурор, дознаватель или следователь с согласия прокурора должны возбудить перед судом ходатайство, которое рассматривается судьей в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ. В судебном заседании вправе присутствовать прокурор.

Таким образом, роль прокурора при применении такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество значительна. Во-первых, без его согласия судья не может рассматривать соответствующее ходатайство дознавателя и следователя. Во-вторых, участвуя в судебном заседании, прокурор в состоянии повлиять на конечные результаты судебного заседания.

С учетом сложной законодательной конструкции анализируемой меры принуждения, включающей цели, основания, условия, систему процессуальных действий, образующих порядок наложения ареста на имущество, принятие мер к сохранности арестованного имущества, отмену ареста на него, прокурор, прежде чем дать согласие на возбуждение перед судом хо-

---

¹ См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2002 года. М.: ГИЦ МВД России, 2003. С. 37.

датайства о наложении ареста на имущество или отказать в этом, обязан выяснить ряд вопросов. Главный из них – наличие оснований для применения предусмотренной ст. 115 УПК РФ меры процессуального принуждения.

В период действия УПК РСФСР основания наложения ареста на имущество связывались с наличием в уголовном деле материалов, дающих достаточные основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый или другое лицо, у которого находится имущество, могут скрыть, испортить или издержать имущество, на которое может быть обращено взыскание, предъявленным и подлежащим обеспечению гражданским иском, возможностью назначения за совершение приписываемого подозреваемому или обвиняемому преступления наказания в виде конфискации имущества².

В процессуальной литературе справедливо уточнялось, что наложение ареста на имущество может иметь место не только в связи с уже заявленным гражданским иском, но и при вероятности поступления требования о возмещении ущерба, когда таковое еще не заявлено потерпевшим³.

Развитие законодательной регламентации данной принудительной меры в УПК РФ (ст. 115 УПК РФ), складывающаяся карательная практика, характеризующаяся тем, что осужденным в качестве наказания почти в 2-3 раза чаще назначается штраф, нежели конфискация имущества, позволяют по-новому определить основания ареста имущества и прийти к следующим выводам⁴.

Прокурор, дознаватель или следователь с согласия прокурора вправе возбудить перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого, лиц, несущих за них по закону материальную ответственность, во-первых, для обеспечения заявленного или будущего гражданского иска, других имущественных взысканий, во-вторых, когда деяние квалифицировано по статье Уголовного кодекса, предусматривающей штраф или конфискацию имущества, и, в-третьих, по уголовному делу собраны достаточные доказательства о причинении преступлением имущественного или морального вреда, приобретении имущества в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

---

² См., напр.: Газетдинов Н.И. Деятельность следователя по возмещению материального ущерба. Казань, 1990. С. 58; Рыжаков А.П. Возмещение вреда, причиненного преступлением. М., 1999. С. 13.

³ См.: Кальницкий В.В. Следственные действия: Учебно-методическое пособие. Омск, 2001. С. 59.

⁴ По данным отчета о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел (форма № 1), в 2001 г. в качестве основного и дополнительного наказания штраф был назначен 118,2 тыс. осужденным, конфискация имущества – 37,6 тыс. осужденным. В 2002 г. 66,7 тыс. осужденных было подвергнуто штрафу, в отношении 29,6 тыс. осужденных применена конфискация имущества.

К «другим имущественным взысканиям», о которых идет речь в ч. 1 ст. 115 УПК РФ, могут быть отнесены: процессуальные (судебные) издержки; денежное взыскание, которому участники процесса подвергнуты судом за ненадлежащее выполнение процессуальных обязанностей (ст. 117-118 УПК РФ); штраф в качестве возможного уголовного наказания; затраты на лечение потерпевшего, которому причинен вред здоровью умышленным преступлением. Исполнение решений суда в этой части потенциально должно обеспечиваться еще в стадии предварительного расследования.

При решении вопроса о даче согласия на возбуждение перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество прокурор должен исходить из того, что арест имущества – превентивное процессуальное принудительное средство, преследующее цель предупредить противоправное или нежелательное с точки зрения достижения задач судопроизводства поведение соответствующих участников. Для его применения достаточно обоснованного предположения, что подозреваемый, обвиняемый могут скрыть, реализовать имущество, ценности, деньги, ценные бумаги или иным образом избежать взыскания с него имущества в обеспечение возмещения причиненного преступлением вреда, возможной конфискации имущества, штрафа.

В процессуальной литературе отстаивается взгляд, что «судебный порядок получения решения на наложение ареста на имущество умаляет принцип процессуальной самостоятельности следователя. Случаи наложения ареста на имущество подозреваемого являются единичными в следственной практике. Как правило, наложение ареста на имущество в подавляющем большинстве случаев производится после предъявления обвинения. Решение о предъявлении обвинения следователь принимает самостоятельно. И поэтому, на наш взгляд, в случаях наложения ареста на имущество обвиняемого после предъявления ему обвинения нет необходимости получать судебное решение на это действие. В остальных случаях судебное решение необходимо. Соответствующие изменения следует внести в УПК РФ. На наш взгляд, подобная практика не ущемляет прав лица, на имущество которого накладывается арест. Тем более, у него сохраняется право обжалования данного решения следователя в суд»⁵.

По мнению К.Б. Калиновского, в неотложных случаях имущество может быть арестовано без судебного разрешения, поскольку ст. 165 УПК РФ, по правилам которой рассматривается ходатайство о наложении ареста на

имущество, допускает в исключительных случаях производство некоторых следственных действий без получения на то разрешения суда⁶.

Обе точки зрения несостоятельны как по существу, так и по формально-юридическим основаниям.

Законодатель последовательно исходит из того, что в сфере уголовного судопроизводства нарушение, стеснение конституционных прав граждан может иметь место только по решению суда. Гарантируя каждому право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им, Конституция РФ предусматривает исключительно судебный порядок лишения граждан имущества (ст. 35). Поэтому установленный ст. 115 УПК РФ судебный порядок наложения ареста на имущество полностью соответствует конституционным положениям о защите имущества собственника.

Что же касается второй точки зрения, то надлежит отметить следующее. Правила ст. 165 УПК РФ распространяются на порядок наложения ареста на имущество лишь по «процедурным» вопросам, т.е. какой судья, в какие сроки и как рассматривает соответствующее ходатайство. Никаких изъятий из общих положений, сформулированных в ст. 115 и 165 УПК РФ, не предусматривается.

Одна из проблемных ситуаций, возникающих при принятии прокурором решения о даче согласия на возбуждение перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество, характеризуется тем, что закон не содержит четких предписаний относительно того, должно ли в постановлении о возбуждении такого ходатайства указываться конкретное имущество, которое предполагается арестовать.

По мнению С.И. Герасимова, А.П. Короткова, А.В. Тимофеева, в мотивированном ходатайстве о необходимости наложения ареста на имущество дознаватель, следователь, прокурор обязаны назвать конкретное имущество, подлежащее аресту. При этом указанные авторы ссылаются на приложение 89 к УПК РФ, в соответствии с которым в постановлении о наложении ареста на имущество судья должен указать, какое именно имущество подлежит аресту и где оно находится⁷.

Такие же требования к содержанию постановления о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество предусмотрены и приложением 155 к приказу Генерального прокурора РФ от 5 апреля 2002 г. № 15 «О бланках процессуальных документов».

---

⁶ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2003. С. 322.

⁷ См.: Информационный бюллетень Следственного Комитета при МВД России. 2002. № 3 (113). С. 61.

---

⁵ Багаутдинов Ф.Н. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги // Российский следователь. 2002. № 9. С. 5.

Практика расследования уголовных дел, в свою очередь, показывает, что далеко не во всех случаях принятия решений о применении анализируемой меры процессуального принуждения в постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество можно привести исчерпывающий перечень имущества, подлежащего аресту, и где конкретно оно находится.

Если придерживаться буквального толкования упомянутых приложений к УПК РФ и приказу Генерального прокурора РФ от 5 апреля 2002 г. № 15, то в ряде ситуаций наложить арест на имущество просто окажется невозможным. При регламентации оснований и порядка наложения ареста на имущество, законодатель, по нашему мнению, исходил из того, что эта принудительная мера носит отчасти и поисковый характер. Требование об указании в перечисленных процессуальных документах конкретного имущества, подлежащего аресту, в принципе выполнимо, когда арест налагается на денежные средства и ценные бумаги физических и юридических лиц, находящихся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях. Что касается имущества в виде разного рода предметов, вещей, имеющих определенную ценность и стоимость в денежном выражении, то наличие их у подозреваемого, обвиняемого может быть установлено дознавателем, следователем по общему правилу лишь приблизительно, особенно когда решение наложить арест на имущество принимается на первоначальном этапе расследования.

Таким образом, прокурор должен исходить из того, что в постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество конкретное имущество, подлежащее аресту, указывается в нем по возможности, насколько оно установлено на данный момент расследования уголовного дела.

Еще один важный вопрос, который должен выяснять прокурор при представлении к нему дознавателем, следователем ходатайства о наложении ареста на имущество, касается круга лиц, имущество которых может быть арестовано.

В числе субъектов, на имущество которых законом разрешено наложение ареста, в ч. 3 ст. 115 УПК РФ названы «другие лица, у которых находится имущество, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого».

Буквальное толкование ч. 3 ст. 115 УПК РФ приводит к выводу, что имущество, находящееся у других лиц, если такое имущество получено обвиняемым (подозреваемым) законным путем, до совершения преступления, причинившим вред потерпевшему, но передано этим лицам на хранение, во владение, пользование в целях сокрытия от ареста и препятст

вия его изъятию в обеспечение гражданского иска, других имущественных взысканий, возможного штрафа или конфискации имущества, арестовано быть не может.

Авторы ряда комментариев УПК РФ полагают, что ограничение ареста имущества других лиц наличием в деле доказательств, указывающих на получение этого имущества в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, не касается имущества, укрываемого этими лицами от наложения ареста⁸. На самом деле, однако, это не так.

В части 3 ст. 115 УПК РФ сказано, что имущество, находящееся у других лиц, может быть арестовано, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого. Из приведенной формулировки закона вытекает, что на любое другое имущество, находящееся у посторонних лиц, в том числе имущество, принадлежащее подозреваемому, обвиняемому на законных основаниях, арест наложен быть не может.

Безусловно, закон должен препятствовать укрытию обвиняемым (подозреваемым) имущества у других лиц и предусматривать его арест и изъятие. Для этого в ч. 3 ст. 115 УПК РФ целесообразно внести соответствующие изменения. До внесения в закон таких изменений арест имущества в обозначенных ситуациях может быть оспорен в рамках предъявления иска об исключении имущества из описи в порядке гражданского судопроизводства.

Статьей 116 УПК РФ предусмотрены особенности порядка наложения ареста на ценные бумаги в сфере уголовного судопроизводства, которые необходимо учитывать прокурору при решении вопроса о даче согласия на возбуждение перед судом ходатайства об аресте ценных бумаг. Они сводятся к следующему:

- 1) арест на ценные бумаги налагается для обеспечения возможной конфискации имущества и возмещения причиненного преступлением вреда, не применяется для ограничения неимущественных прав их владельцев;
- 2) арест ценных бумаг либо их сертификатов производится по месту нахождения данного имущества или по месту учета прав их владельца;
- 3) ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя, аресту не подлежат.

---

⁸ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Н.А. Петухова, Г.И. Загорского. М., 2002. С. 231; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. и науч. ред. А.Я. Сухарева. М., 2002. С. 216; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Петрухина. М., 2002. С. 183.

По смыслу ч. 1 ст. 115 УПК РФ прокурор может отказать в даче согласия на возбуждение перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество. Закон не регламентирует порядок такого отказа, не требует от прокурора мотивировать его. На практике в тех редких случаях, когда прокуроры не дают согласия на возбуждение перед судом указанного ходатайства, они либо вообще никак не отражают в материалах уголовного дела факт отказа или учиняют на постановлении дознавателя, следователя о возбуждении ходатайства лаконичную запись: «Не согласен», иногда сопровождая ее ссылкой на то, что по делу нет достаточный оснований для наложения ареста на имущество.

Применительно к ситуациям, когда прокурор отказывает в даче согласия на возбуждение уголовного дела в связи с отсутствием в представленных материалах данных, необходимых для возбуждения уголовного дела, п. 2.4 приказа Генерального прокурора РФ от 5 июля 2002 г. № 39 «Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства» предписывает прокурору выносить постановление о возвращении материалов для дополнительной проверки с указанием о необходимости выполнения конкретных процессуальных действий.

Представляется, что в случае отказа в даче согласия на возбуждение перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество прокурор также должен письменно изложить основания и мотивы такого отказа, о чем вынести специальное постановление.

Отказ прокурора в даче согласия на возбуждение перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество не исключает повторного обращения дознавателя, следователя к прокурору с этим же вопросом. По смыслу закона в этих случаях выносится новое постановление. Причем возбуждение повторного ходатайства никакими сроками не ограничено.

В случае несогласия с отказом прокурора утвердить постановление о возбуждении перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество следователь вправе представить уголовное дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений (ч. 3 ст. 38 УПК РФ). Дознаватель обязан выполнить указания прокурора, данные ему в связи с отказом возбудить перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество. При этом он вправе обжаловать указания надзирающего прокурора по данному вопросу вышестоящему прокурору (ч. 4 ст. 41 УПК РФ).

К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО РЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

Действующее уголовно-процессуальное законодательство регламентирует основания, условия, процессуальный порядок прекращения уголовных дел и (или) уголовного преследования на стадии предварительного расследования. К числу новелл УПК РФ применительно к данной проблематике относятся положения, касающиеся перечня оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования.

Процедура прекращения уголовного преследования, как и прекращения уголовного дела, применяется в случаях, когда в ходе предварительного расследования выявляются обстоятельства, устраняющие возможность дальнейшего производства по делу. Она может осуществляться одновременно с прекращением уголовного дела, ибо влечет за собой и прекращение уголовного преследования, либо самостоятельно, например в случаях прекращения уголовного преследования без прекращения уголовного дела. К примеру, при прекращении уголовного преследования в отношении отдельных лиц уголовное дело в отношении других может продолжаться (ч. 4 ст. 27 УПК РФ).

Основания прекращения уголовного дела и прекращения уголовного преследования с применением мер по реабилитации лица на досудебных стадиях уголовного судопроизводства представляются весьма различными по своему содержанию и последующим правовым последствиям. Закон приводит определенный перечень оснований прекращения уголовного преследования.

В ходе предварительного расследования уголовное дело, как и уголовное преследование, прекращается при наличии определенных оснований (глава 4 УПК РФ). И хотя ст. 27 и 28 УПК РФ регламентируют основания прекращения уголовного преследования, тем не менее законодатель закрепил отсылочную норму, в частности п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, которая ориентирует на положения прекращения уголовного дела, по основаниям, закрепленным в п. 1-6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. К перечню оснований прекращения уголовного преследования, помимо указанных в ст. 27 и 28 УПК РФ, относится также применение принудительной меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего (ч. 1 ст. 427 УПК РФ).

Анализируя уголовно-процессуальное законодательство, ряд процессуалистов предпринимают попытки классифицировать основания прекращения

уголовного дела. При этом в юридической литературе встречаются различные позиции по данному вопросу. Например, одни процессуалисты подразделяют основания к прекращению уголовного дела на юридические и фактические (М.А. Чельцов)¹, другие – на материально-правовые и процессуальные (Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин, П.А. Лупинская)² и т. п.

Одна из таких классификаций подразделяет основания прекращения уголовного дела на реабилитирующие и нереабилитирующие³. Поддерживая данную точку зрения, полагаем, что и основания прекращения уголовного преследования на предварительном расследовании можно классифицировать по этой же системе, исходя из содержания оснований возникновения права на реабилитацию (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ), соответственно разграничивая их на реабилитирующие и нереабилитирующие.

По смыслу п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ к реабилитирующим основаниям прекращения уголовного преследования следует относить:

- 1) отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);
- 2) отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);
- 3) непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ)⁴.

Первые три основания законодатель выделяет особо, так как они являются не только основаниями прекращения уголовного преследования, но и основаниями прекращения уголовного дела, а также условиями вынесения постановления оправдательного приговора в суде. Эти основания являются обязательными для применения мер по реабилитации лица, о чем непосредственно указывает закон в ч. 2 ст. 212 и ч. 3 ст. 302 УПК РФ.

Другими основаниями прекращения уголовного преследования с реабилитацией лица, указанными в п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ, являются:

4) отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе, как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ (п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

5) отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. 1, 3 - 5, 9 и 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалифицированной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или на привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. 1 и 3 - 5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ (п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

6) наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению (п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ);

7) наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотменного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ);

8) отказ Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) отказ Совета Федерации в лишении неприкосновенности данного лица (п. 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

К приведенному выше перечню оснований прекращения уголовного преследования целесообразно, на наш взгляд, отнести в качестве реабилитирующего то, на которое законодатель прямо не указывает, но при этом ссылается на п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В данном случае имеется в виду ч. 3 ст. 27 УПК РФ, в которой содержится указание на то, что уголовное преследование в отношении лица, не достигшего к моменту совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, возраста, с которого наступает уголовная ответственность, подлежит прекращению по основанию, указанному в п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. По этому же основанию подлежит прекращению уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом. Однако в п. 4 ст. 133 УПК РФ предписано, что по последнему основанию правила на реабилитацию в отношении вышеуказанных лиц не

¹ См.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 327.

² См.: Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 305; Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. проф. П.А. Лупинской. М., 1995. С. 289.

³ Данную классификацию рассматривают такие ученые-процессуалисты, как В.М. Савицкий, А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова, Б.Т. Безлепкин и др. См.: Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки / Под ред. проф. В.М. Савицкого. М.: БЕК, 1997. С. 158; Безлепкин Б.Т. Вопросы реабилитации на предварительном следствии: Лекция. Горький: Горьковская ВШ МВД СССР, 1975. С. 8.

⁴ Ранее это основание формулировалось как недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР). Сейчас согласно п. 20 ст. 5 УПК РФ под непричастностью понимается неустановленная причастность либо установленная непричастность лица к совершению преступления.

распространяются. Мы не можем с этим согласиться, поскольку в данных случаях при прекращении уголовного дела и уголовного преследования по данному основанию (ч. 3 ст. 27 УПК РФ) отсутствует один из элементов состава преступления – его субъект. Отсутствие в деянии состава преступления является не только основанием прекращения уголовного дела и, соответственно, уголовного преследования, но и основанием отказа в возбуждении уголовного дела вообще (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), а оно, как говорилось выше, относится к реабилитирующим.

К реабилитирующим основаниям прекращения уголовного дела в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 212 УПК РФ относятся только основания, предусмотренные п. 1, 2 ч. 1 ст. 24, а также п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, о чем уже упоминалось. Именно эти реабилитирующие основания прекращения уголовного дела полностью совпадают с основаниями прекращения уголовного преследования.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что перечень оснований возникновения права на реабилитацию в связи с прекращением уголовного преследования значительно шире, чем перечень в случаях прекращения уголовного дела. Это, возможно, связано с тем, что основания прекращения уголовного преследования более разнообразны и охватывают более широкий круг лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу. Таким образом, перечень реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела несколько уже, чем основания прекращения уголовного преследования. Полагаем, что в данном случае законодатель исходит из принципа целесообразности, придерживаясь которого, возможно осуществлять процесс расследования по уголовным делам в более оптимальном для потребностей практики режиме.

Иные не рассмотренные выше основания прекращения уголовного преследования на предварительном следствии можно рассматривать в качестве не реабилитирующих. Это: 1) вследствие акта об амнистии (п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ); 2) истечение сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ); 3) смерть подозреваемого или обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ); 4) в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ); 5) применение принудительной меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего (ч. 1 ст. 427 УПК РФ).

Вне зависимости от того, по какому основанию прекращается уголовное преследование, органы предварительного расследования обязаны отменить все меры уголовно-процессуального принуждения (например, привлечение его в качестве подозреваемого (обвиняемого), применение мер пресечения в

виде задержания, ареста, отстранение от должности, наложение ареста на имущество и т. п.) в отношении лица, к которому они были применены⁵.

Элементами механизма реабилитации должны выступать, с одной стороны, отмена незаконного и необоснованного решения, а с другой – устранение причиненных таким решением последствий⁶. Законом установлено, что при прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, предусмотренным п. 1, 2, 5, 6 ч. 1 ст. 24, п. 1, 4-6 ч. 1, а также ч. 3 ст. 27 УПК РФ, следователь обязан принимать соответствующие меры по реабилитации физического и (или) юридического лица и возмещению вреда, причиненного в результате уголовного преследования.

Основания возникновения права на реабилитацию, признания на ее права, порядок возмещения имущественного и морального вреда, обжалование решения о производстве выплат, восстановление иных прав реабилитированных регламентирован ст. 133-139 главы 18 УПК РФ. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме, независимо от того, действиями какого именно органа или должностного лица этот вред причинен⁷.

Следовательно, должностное лицо при прекращении уголовного преследования обязано разъяснить порядок восстановления прав и свобод лица и возмещения вреда, причиненного уголовным преследованием в ходе предварительного расследования.

Право на реабилитацию по общему правилу (ст. 133 УПК РФ) включает в себя: возмещение имущественного вреда; устранение последствий морального вреда; восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Следователь выносит соответствующее постановление о частичном прекращении уголовного преследования⁸ или о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)⁹ в полном объеме в отношении конкретного лица (лиц) и направляет копию постановления прокурору, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, разъяснив последним право и порядок обжалования принятого решения.

⁵ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен XXI, 2002. С. 472.

⁶ См.: Химичева О.В. Реабилитация: Учебное пособие. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. С. 34.

⁷ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен XXI, 2002. С. 296, 297.

⁸ См.: Приложение 176 к приказу Генерального прокурора РФ от 5 апреля 2002 г. № 15.

⁹ См.: Приложения 177, 178 к приказу Генерального прокурора РФ от 5 апреля 2002 г. № 15.

Требование о возмещении имущественного вреда может заявить в течение срока исковой давности как сам реабилитированный, так и его законный представитель (а в случае смерти – его родственники или иждивенцы) путем обращения в орган, вынесший определенное постановление о прекращении уголовного преследования (ст. 135 УПК РФ). Размер имущественного вреда, причиненного реабилитированному, определяет судья, прокурор, следователь или дознаватель, что указывается в постановлении о производстве выплат¹⁰, не позднее одного месяца со дня поступления требования о его возмещении.

Изложенное позволяет предположить, что поддерживаемая нами классификация на сегодняшний день имеет преимущественное значение в связи с тем, что позволяет оптимизировать деятельность прокурора и органов предварительного расследования при разрешении актуальных вопросов, связанных как с реабилитацией, так и возмещением ущерба, причиненного незаконными действиями органов дознания, следствия, прокуратуры.

Несмотря на то, что в указанной работе рассматривались в основном вопросы, связанные с реабилитирующими основаниями, прекращение уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, на наш взгляд, нецелесообразно было бы в рамках данной статьи не коснуться еще одной немаловажной проблемы, касающейся прекращения уголовного преследования.

Исходя из того, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, он создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ст. 15 УПК РФ).

Анализ этой нормы позволяет сделать вывод о том, что суд лишен какой-либо самостоятельности в принятии решений, он следует за суждениями сторон и присоединяется к мнению одной из них¹¹.

Таким образом, полагаем, что было бы логично и последовательно закрепить в тексте закона правило о том, что прерогативой прекращения уголовного преследования по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям обладает и суд, несмотря на то, что не относится ни к стороне защиты, ни к стороне обвинения.

А. В. Савкин,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
(НИИ проблем укрепления
законности и правопорядка
при Генеральной прокуратуре
Российской Федерации)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УПК РФ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Изучение, анализ УПК Российской Федерации и практики его применения показывает, что он содержит ряд недостатков, касающихся, в частности, следующих положений.

Вопросы регулирования порядка возбуждения уголовных дел и определения подследственности, на наш взгляд, нуждаются в уточнении. Конкретно не определено, кто – дознаватели или следователи должны возбуждать уголовные о нераскрытых преступлениях небольшой тяжести. По содержанию ст. 150, 151 УПК РФ это трудно определить. Только после ознакомления со ст. 223 УПК РФ можно сделать предположительный вывод о том, что указанная категория уголовных дел относится к подследственности следователей органов внутренних дел. На наш взгляд, было бы правильным четко и конкретно определить это положение в ст. 151 УПК РФ («Подследственность»).

УПК РФ не уточнено, какое конкретно должностное лицо является начальником органа дознания. Так, в п. 1 ч. 1 ст. 40 указывается, что к органам дознания относятся органы внутренних дел, иные органы, возглавляющие органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. В соответствии с ведомственными нормативными актами (разъяснением Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 9 сентября 1993 г. № 25/15-1-1993 и № 1/3986 «О процессуальных полномочиях руководителей органов внутренних дел», ст. 3-7, 8, 9 Закона РФ «О милиции») полномочиями органа дознания обладают начальники криминальной милиции и милиции общественной безопасности, а также территориальных и линейных отделов (отделений) милиции и их заместители.

В УПК РФ (ст. 41) указывается только начальник органа дознания как лицо, обладающее процессуальными полномочиями. Остались вне сферы действия УПК РФ начальники отделов дознания, которые непосредственно должны осуществлять и осуществляют процессуальный контроль за деятельностью дознавателей, проводящих расследование по уголовным делам,

¹⁰ См.: Приложение 181 к приказу Генерального прокурора РФ от 5 апреля 2002 г. № 15.

¹¹ См.: Российское право. 2003. № 2. С. 28.

а также начальники криминальной милиции, милиции общественной безопасности.

При объявлении обвиняемого в федеральный розыск в соответствии с ч. 3 ст. 210 УПК РФ в отношении разыскиваемого лица может быть избрана в качестве меры пресечения заключение под стражу (особенно в случаях совершения им тяжкого и особо тяжкого преступления). Однако ч. 4 ст. 108 УПК РФ предусматривает возможность принятия единолично судьей судебного решения о заключении под стражу только с участием подозреваемого, обвиняемого. Это противоречие между ст. 108 и 210 УПК РФ целесообразно устранить путем внесения соответствующего дополнения в ч. 4 ст. 108 УПК РФ о том, что при объявлении лица в розыск возможен его заочный арест, т. е. в отсутствие обвиняемого в судебном заседании. Внесенное законодателем дополнение в ч. 5 ст. 108 УПК РФ о возможности принятия судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого только в случаях объявления обвиняемого в международный розыск является неполным решением рассматриваемой проблемы.

На наш взгляд, на дознавателя возлагаются несвойственные ему обязанности поддержания обвинения в суде (п. 6 ст. 5 УПК РФ). Полагаем, что следует исключить указанное положение из УПК РФ. Дознаватель, т. е. должностное лицо, производящее расследование по уголовному делу, обязан устанавливать в равной мере как обвиняющие (отягчающие), так и оправдывающие (смягчающие) обстоятельства. Поэтому он не должен поддерживать в суде государственное обвинение. Кроме того, выполнение им этой функции будет весьма затруднительно из-за занятости в расследовании уголовных дел, дежурств и отсутствия должной подготовки, квалификации.

В случае задержания подозреваемого ходатайство об избрании меры пресечения – заключение под стражу и соответствующие материалы должны быть представлены судье не позднее чем за 8 часов до истечения срока задержания (ч. 3 ст. 108 УПК РФ). Это фактически сокращает установленный 48-часовой срок задержания (ч. 2 ст. 94 УПК РФ) до 40 часов. За такой короткий срок не всегда возможно собрать доказательства, подтверждающие либо опровергающие участие подозреваемого в совершении преступления. Необходимо сократить время предварительного изучения ходатайства об аресте и соответствующих материалов судом с 8 до 2 часов.

В УПК не регламентирован порядок вручения копии обвинительного акта, обвинительного заключения участникам процесса, не указано, на кого возлагается эта обязанность. Думается, что правильным было бы принятие решения на законодательном уровне о том, что вручать обвиняемому указанные документы поручается органу дознания.

В ст. 28 УПК РФ целесообразно предусмотреть прекращение не только уголовного преследования, но и прекращение уголовного дела. По нашему

мнению, эти понятия не однозначны. Уголовное преследование может быть прекращено в отношении конкретного лица, а расследование по уголовному делу может продолжаться. Поэтому понятие прекращения уголовного дела по своему значению несколько шире понятия прекращения уголовного преследования. Представляется, что исходя из смысла данной статьи о прекращении уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием речь должна идти и о прекращении уголовного дела в целом, что вполне корреспондируется со ст. 75 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Однако это не видно из текста закона. Следовало более правильно указывать в законе возможность прекращения уголовного дела, а не только прекращение уголовного преследования.

Ряд статей УПК РФ требует уточнений и дополнений. Например, ст. 75 УПК РФ. В суде обвиняемый именуется подсудимым. Поэтому в последнем предложении п. 1 ч. 2 ст. 75 слова «подозреваемым, обвиняемым» необходимо заменить словом «подсудимый».

В п. 3 ч. 7 ст. 108 указано одно из решений, которые может вынести судья, рассмотрев ходатайство об аресте, – об отложении принятия решения на срок не более чем на 72 часа. Не понятно, почему решение откладывается для предоставления дополнительных доказательств обоснованности задержания. В ходатайстве речь идет о необходимости ареста, а если у судьи возникли сомнения в доказанности задержания, то ни о каком аресте уже не может быть и речи. Видимо, сомнения все-таки могут возникнуть в связи с недостаточностью доказательств, подтверждающих обоснованность ареста, а не задержания. Представляется, что слово «задержания» должно быть заменено словом «ареста».

Правило о безусловном освобождении обвиняемого по истечении предельного срока содержания под стражей в том случае, если материалы уголовного дела будут предъявлены для ознакомления позднее чем за 30 суток до его окончания (ч. 6 ст. 109 УПК РФ), приведет к тому, что обвиняемый в таких случаях будет намеренно затягивать ознакомление с материалами дела, чтобы выйти на свободу и скрыться. Тем более, что ни при каких обстоятельствах обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами дела (ч. 3 ст. 217 УПК). Считаю возможным редакцию ч. 3 ст. 217 УПК РФ полностью заменить текстом с содержанием о возможности ограничения обвиняемого и его защитника во времени в случаях умышленного затягивания предоставленного им срока для ознакомления с материалами окончательного расследования уголовного дела. Такое право может быть предоставлено прокурору, следователю, дознавателю с согласия прокурора, либо суду по ходатайству дознавателя, следователя с согласия прокурора. Соответствующие изменения следует внести и в ч. 5 и 6 ст. 109 УПК РФ.

Отсутствует необходимая регламентация процессуальной деятельности на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела (ст. 144 УПК

РФ). Даже в старом УПК РСФСР предусматривались некоторые виды процессуальных действий, проводимых в процессе рассмотрения и проверки сообщений о преступлениях. К сожалению, в ст. 144 УПК РФ вообще не указываются такие действия, а также приемы и методы проверки заявлений и сообщений о преступлениях, предъявляемые к ним требования. Последствиями этого могут быть нарушения различных законов, включая требования Конституции РФ и УПК РФ о соблюдении и защите прав человека. По нашему мнению, установленный в этой статье УПК РФ трехдневный срок предварительной проверки заявления, сообщения о преступлении в большинстве случаев является недостаточным для принятия обоснованного решения. Было бы правильным установить для органов дознания десятидневный срок проверки заявлений и сообщений о преступлениях с возможностью продления его в исключительных случаях до месяца, указать определенный порядок ее проведения в соответствии с требованиями УПК РФ.

В соответствии с ч. 4 ст. 146 УПК РФ после возбуждения уголовного дела и до получения на это согласия прокурора для закрепления следов преступления и установления лица, его совершившего, следователь (дознатель) может произвести осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы. В таких случаях следователь или дознаватель, проведя эти следственные действия и полагая, что имеются достаточные основания для возбуждения уголовного дела, может произвести и некоторые другие неотложные действия, например допросы, меры процессуального принуждения. Однако из этой ситуации может возникнуть ряд не разрешаемых УПК РФ вопросов, связанных с возможностью последующего отказа прокурором в даче согласия на возбуждение уголовного дела, возвращения материалов для проведения дополнительной проверки. Как быть в таких случаях с выполненными следственными действиями, особенно если уголовное дело вообще не будет возбуждено? Полагаем, что по этому поводу необходимо внести соответствующие дополнения в УПК РФ.

В соответствии с новой редакцией п. 1 ч. 1 ст. 154 УПК РФ (ред. от 26 апреля 2002г.) в данной статье исключена ссылка на п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, и поэтому не представляется возможным выделить в отдельное производство уголовное дело в отношении неустановленных лиц, совершивших преступление в соучастии. Думается, что это нововведение вряд ли обоснованно, так как всегда бывают необходимы материалы дела для принятия мер к установлению, розыску и задержанию скрывшихся преступников, а в случае их задержания таких материалов не будет. Следователь или дознаватель все равно вынужден будет снимать копии с основного уголовного дела или проводить повторные следственные действия с одними и теми же лицами, что совершенно неоправданно.

В соответствии со ст. 158 УПК РФ об окончании предварительного расследования установив в ходе досудебного производства по уголовному де-

лу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель или следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств и других нарушений закона. Однако полагаем не совсем правильно в статье об окончании расследования ориентировать следователей и дознавателей на то, чтобы вносить такие представления только по окончании расследования уголовного дела. На наш взгляд, представление должно быть внесено сразу же после установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Чем раньше это будет сделано, тем эффективней станет профилактика обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и нарушений закона. Кроме того, считаем, что целесообразно предусмотреть внесение таких представлений в качестве обязанности и не только дознавателей и следователей, но и прокуроров и судей в отдельной статье УПК РФ.

Представляется необходимым расширить круг случаев, когда возможно проведение отдельных следственных действий без участия понятых (ч. 3 ст. 170 УПК РФ), в частности, когда эти действия не затрагивают интересов третьих лиц либо когда при их производстве присутствуют другие не заинтересованные в исходе лица (специалисты, статисты и т. д.). Соответствующие изменения следует внести и в статьи, регламентирующие производство этих следственных действий.

В связи с внесенными изменениями в ст. 208 УПК РФ о возможности приостановления предварительного следствия в отношении подозреваемого соответствующие изменения следует внести и в ст. 209 УПК РФ.

В приложении к УПК РФ № 79 «Обвинительное заключение» следует устранить неточности. В частности, в п. 12, озаглавленном «Иные данные о личности», подстрочный текст, согласно которому должны быть изложены обвинение, место, время, способ, мотивы, цели совершения преступления, полностью не соответствует заглавию данного пункта. Требуется внесение уточнений и дополнений и в справку, прилагаемую к обвинительному заключению, об указании времени содержания под стражей (приложение № 79).

Представляется, что правильно было в обвинительном заключении не только указывать перечень доказательств, а для ясности хотя бы кратко раскрывать их содержание. Поэтому соответствующие изменения необходимо внести в п. 5 и 6 ч. 1 ст. 220 УПК РФ и в приложение № 79 к УПК РФ.

Срок дознания в соответствии с ч. 2 ст. 223 УПК РФ установлен 15 суток, а с учетом его продления прокурором на 10 суток определен его максимальный срок в 25 суток. Согласно ст. 223 УПК РФ о порядке и сроках дознания остается не ясным, что делать с уголовным делом, по которому истек 25-дневный срок дознания, а расследование по нему еще не закончено. Исходя из смысла ст. 5 и ст. 151 УПК РФ по таким делам дальнейшее расследование должен производить следователь, хотя прямо об этом в УПК

РФ нигде не говорится. Во многих случаях необходимость производства ряда следственных действий (например, судебно-медицинской, судебно-психиатрической экспертизы) не позволяет завершить расследование в установленный срок. Однако дознаватели в большинстве случаев не могут закончить расследование в такой короткий срок или умышленно, затягивая процесс расследования, в результате смогут передавать для окончания расследования следователям практически все уголовные дела, находящиеся в их производстве. Статья 223 УПК РФ в существующей редакции не отвечает замыслу законодателя, расширив подследственность органов дознания, разгрузить следователей от расследования преступлений небольшой тяжести. Поэтому целесообразно внести соответствующие дополнения в ст. 223 УПК РФ, предоставив возможность дальнейшего расследования этих уголовных дел дознавателям и предусмотреть в ч. 2 ст. 223 УПК РФ возможность продления срока производства дознания прокурором района до двух месяцев, а в исключительных случаях – прокурором субъекта Федерации до шести месяцев.

Автор не претендует на бесспорность высказанных в данной статье предложений об изменении перечисленных выше положений УПК РФ, однако полагает, что указанные противоречия в УПК РФ носят явно выраженный характер и затрудняют работу следователей и дознавателей по раскрытию и расследованию преступлений.

Д. Н. Болатаев
(ВНИИ МВД России)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Переоценка значимости и возможностей достижения целей общего предупреждения, стоящих перед наказанием, сдерживание преступности путем устрашения суровым наказанием – одна из основных идей, на которых зиждется убежденность сторонников смертной казни. На этом же в основном зиждется и поддержка смертной казни в массовом сознании. Между тем наивная вера в эффективность предупредительного воздействия смертной казни основана на мифологических представлениях о том, что ужесточение

наказания, применение суровых мер снижает уровень тяжких преступлений¹.

Исследования, посвященные эффективности смертной казни, начались в США в конце 40-х годов минувшего столетия, причем в основе большинства из них лежал сравнительный анализ уровня убийств в разных штатах страны, применяющих смертную казнь и не использующих эту меру наказания. Остановимся на результатах этих исследований, выделяя их в хронологическом порядке.

Одно из самых первых такого рода исследований было проведено Карлом Шусслером, который, изучив динамику убийств за 1928 – 1949 гг., пришел к выводу, что в штатах, не применявших смертную казнь, уровень убийств (в расчете на 100 тыс. населения) был в 2 – 3 раза ниже².

Позднее видный американский исследователь смертной казни Хуго Бедау назвал подход К. Шусслера «упрощенным», поскольку выбор штатов в этом исследовании носил произвольный характер и не учитывал существенные социокультурные различия в тех или иных штатах³.

Исдержки методики К. Шусслера были учтены его многочисленными последователями. В середине 50-х годов аналогичное исследование провел крупный американский криминолог Торстен Селлин, однако на этот раз его отбор соответствующих пар штатов в максимальной степени учитывал их социокультурные, демографические и иные различия. Сравнительные статистические показатели убийств и практики применения смертной казни за период 1920 – 1958 гг., Т. Селлин пришел к выводам, суть которых в том, что *īdēi āi āi ēā īī āōōīīē ēāēē īā īēāēāāāō īāāēēāāpūāīī āēēyīēy īā āōāāīū āāēēīōā* (Его выводы не изменились и после того, как период наблюдений был продолжен до 1963 г.)⁴.

Те же результаты получили спустя 20 лет американские ученые Р. Лемперт, С. Килман, Дж. Конрад, Р. Бохм, Ф. Лоуренс, Л. Фридман, М. Мелло, Дж. Аккер, английские исследователи Дж. Уолкер и Р. Худ, а также целый ряд ученых в других странах⁵. Сравнительные многолетние тенденции в динамике тяжких преступлений в различных странах и в разных штатах США, они пришли к общим выводам о

---

¹ См.: Bohm, R., Deathgust. An Introduction to the Theory and Practice of Capital Punishment in the United States. Anderson Publ., 1999; Карпец И. И. Высшая мера. За и против // Сов. государство и право. 1991. № 7. С. 52; Черниловский З. М. Смертная казнь: Историко-философский аспект // Сов. государство и право. 1991. № 1. С. 134 – 135.

² См.: Scheussler K. The Deterrent Influence on the Death Penalty – In: The Annals, 284. November 1952. P. 56-58.

³ См.: Bedau H. The Death Penalty in America. New York, Anchor Books, 1964. P. 260

⁴ См.: Sellin T. The Death Penalty. Philadelphia, 1959. P. 34; The penalty of death. Sage Library of Social Research. Vol. 102, Beverly Hills, London, 1980. P. 110 – 118.

⁵ См.: Walker N. Punishment, danger and stigma. The morality of criminal justice. Oxford, 1980; Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective. Oxford, 1996.

том, что, во-первых, уровень этих преступлений всегда был выше именно там, где применялась смертная казнь, и, во-вторых, что ни отмена смертной казни, ни ее восстановление там, где она была ранее отменена, не оказывает влияния на динамику убийств⁶.

В американской криминологической литературе по проблеме смертной казни нельзя найти ни одного источника, в котором бы не упоминалось исследование Исаака Эрлиха. В 1975 г. он опубликовал свою докторскую диссертацию по экономике, сразу получив известность по всей стране. Проведя регрессионный анализ статистических данных об убийствах и казнях, совершенных с 1930 г., И. Эрлих пришел к выводу, что каждая смертная казнь сдерживает от преступления еще восемь потенциальных убийц. Иначе говоря, каждая казнь убийцы спасает восемь других жизней⁷.

Шокированные этими выводами, американские криминологи подвергли исследованию И. Эрлиха резкой критике. Во второй половине 80-х годов в противовес идеям И. Эрлиха была сформулирована так называемая теория ожесточения (Brutalization). Ее авторы, американские ученые Г. Пирс и У. Боверс, основываясь на результатах своих исследований, утверждали, что каждая казнь убийцы резко ожесточает общественные нравы и влечет за собой 2 – 3 новых убийства, а, следовательно, о превентивном эффекте казни не может быть речи⁸.

Сегодня эта теория распространена в США достаточно широко и служит одним из важных аргументов противников смертной казни. Так, исследование тенденций убийств, совершенных в крупных городах страны, проведенное в Национальном Институте юстиции в 1996 – 1997 гг., подтвердило, что казни, скорее, могут увеличить число убийств, нежели удерживать преступников от совершения таких деяний.

В 1995 г. американские исследователи М. Раделе и Р. Алкерс опросили 67 бывших президентов двух наиболее авторитетных научных организаций – Американского криминологического Общества и Академии уголовной юстиции. Как показали результаты опроса, 88 % из них считают, что смертная казнь не может понизить уровень убийств; 80 % опрошенных

ученых уточнили при этом, что рост числа казней не может оказать сдерживающего влияния на динамику убийств⁹.

В 1997 – 1999 гг. в разных штатах США было проведено четыре самостоятельных исследования эффективности смертной казни. Первое из них проводилось под руководством видных американских ученых – Дж. Соренсена и Дж. Маркворта; его целью было изучение тенденций убийств и казней в Техасе за период с 1984 по 1997 гг. Основным выводом исследователей – отсутствие сдерживающего эффекта смертной казни¹⁰. К такому же выводу пришли Уильям Бэйли, исследовавший динамику убийств и казней в Оклахоме¹¹, и Э. Томпсон, изучавшая динамику убийств в Лос-Анджелесе до введения моратория на казни в Калифорнии и после возобновления казней в 1992 г. За два года до этого Э. Томпсон проводила аналогичные исследования в Оклахоме и Аризоне и сделала вывод, что казни, скорее, приводят к росту убийств, нежели сдерживают потенциальных преступников¹².

Более оригинальное исследование динамики убийств, провели К. Харрис и Д. Критвуд. Они выбрали 293 пары округов США, где одну группу составляли округа, на территории которых применялась смертная казнь и в тюрьмах которых содержались осужденные к этой мере наказания, а в другой группе округов смертная казнь не приводилась в исполнение и не было осужденных-смертников, ожидавших казни. В итоге ученые констатировали отсутствие каких-либо статистических признаков, указывавших на сдерживающий эффект смертной казни¹³.

В сентябре 2000 г. исследование, проведенное газетой New York Times, показало, что за последние 20 лет уровень убийств в тех штатах, где смертная казнь не применялась, был на 48 – 101 % ниже, чем в тех штатах, где смертные приговоры приводились в исполнение. Оно также показало, что уровень убийств в 12 штатах США, где не применяется смертная казнь, ниже, чем средний уровень убийств по стране в целом, (соответственно, 4,7 и 7,4)¹⁴.

⁶ См.: Kilman S. Death Penalty and Crime. Empirical Studies, Fairfax, 1978; Conrad J. Deterrence, the Death Penalty, and the Data // The Death Penalty A Debate. Plenum Press. New York, 1983. P. 133 - 141; Lempert R. The Effect of Executions on Homicides: A New Look in an Old Light. Crime and Delinquency, 1983. № 29. P. 88-115; Potas I. Walker J. Capital Punishment, 1987. P. 3; Clay W. To Kill Or Not To Kill: Thoughts on capital punishment. The Borgo Press, California, 1990. P. 73-77; R.Bohm R. The Death Penalty in America: Current Research, Anderson, 1990; Friedman, L., Crime and Punishment in American History. New York, 1993.

⁷ См.: Ehrlich I. The Deterrent Effect of Capital Punishment: A Question of Life or Death // American Economic Review, 1975. № 65. P. 397.

⁸ См.: Bowers W. The Effect of Executions Is Brutalization, Not Deterrence // Challenging Capital Punishment. Legal and Social Science Approaches. (Ed. Haas, K., Inciardi, J.) Sage Publications. Beverly Hills, London, 1988. P. 49-64.

⁹ См.: Radelet M. and Alkers R. Deterrence and the Death Penalty: The Views of Experts:// Journal of Criminal Law and Criminology. 1996. n 87. P. 1-11.

¹⁰ См.: Sorenson J., Wrinkle R., Brevier V., Marquort J. Capital Punishment and Deterrence: Examining the Effect of Executions on Murder in Texas // Crime and Delinquency. 1999. № 45. P. 481-493.

¹¹ См.: Bailey W. Deterrence, Brutalization, and the Death Penalty: Another Examination of Oklahomas Return to Capital Punishment // Criminology. 1998. № 36. P. 711-733.

¹² См.: Thompson E. Effect of an Execution on Homicides in California // Homicide Studies. 1999. № 3. P. 129-150.

¹³ См.: The Geography of Execution: The Capital Punishment Quagmire in America // Rowman and Littlefield Publishers, Lanham, MD, 1999 (RECAP Newsletter, National Death Penalty Development).

¹⁴ См.: Facts About Deterrence and the Death Penalty, DPIC Home Page. 2002 . August 4.

Наконец, нельзя не упомянуть исследование, проведенное под эгидой Организации Объединенных Наций в 1988 г. и продолженное до 1996 г. Подводя итоги этой большой работы, видный английский ученый Роберт Худ отмечал, что «в данном исследовании отсутствует научное подтверждение того факта, что казни обладают более устрашающим эффектом, чем пожизненное заключение. Весьма маловероятно появление подобного доказательства в будущем. Полученные результаты в целом также не свидетельствуют в пользу гипотезы устрашения»¹⁵. Позднее названное исследование было продолжено до 2002 г., а его результаты позволили Р. Худу сделать уже более категоричные выводы о том, что, во-первых, *íàò íèèàèèò àí-èàçàòàèííòá òíà, ÷òí ààíçà ñ àðòííè èàçíè èí ààò ñààèèààð-ùèè ÿòòàèò àèÿ ííòàíòèàèùí ùò àèèò èèè, àí àíÿèíí ñèò:àà, àíèùòèè ÿòòàèò, ÷àí ííàèçí àíííà èèòàíèà ñàíàíàí, и, во-вторых, что *àííààð-íòààí, ñàèðàðùèí ñÿ íòí àíèòù ñ àðòííè èàçíí, íàò ííí íààí èè íàè-ààòù íàèèàí òèÿòí ùò èçí àíàí èè à àèíàí èèà òÿàèèò òðàíòòí èàí èè*¹⁶.*

Заканчивая хронологический обзор проведенных в США исследований эффективности смертной казни, отметим, что к таким же выводам пришел и один из самых видных американских исследователей этой проблематики Хуго Бедау¹⁷.

20 января 2000 г., завершая свою деятельность, бывший министр юстиции США Жаннет Рино заметила: «На протяжении всей моей сознательной жизни я искала исследования, которые могли бы подтвердить, что смертная казнь обладает сдерживающим эффектом. И я не нашла ни одного такого исследования»¹⁸.

Для оценки общепревентивного эффекта смертной казни представляют далее интерес результаты опроса работников полиции и окружных шерифов США, проведенного в 2000 г. Они, в частности, показали, что:

- а) только 3 % работников полиции считают смертную казнь эффективным средством в борьбе с преступностью;
- б) 67 % работников правоохранительных органов не считают, что смертная казнь способствует снижению преступности;
- в) 82 % работников правоохранительных органов считают, что, совершая преступление, преступники не думают о возможном наказании¹⁹.

Что же касается рядовых граждан, то, как показал опрос, проведенный в июле 2001 г. агентством Harris Interactive, только 42% опрошенных полага-

ют, что угроза смертной казни способна сдерживать преступность. Следует отметить, что это самый низкий показатель среди результатов опросов, проведенных в США за последние 25 лет²⁰.

Практика многих стран подтверждает сделанные выводы. В Англии, например, еще в 1950 г. специальная Королевская комиссия, проводившая исследование эффективности смертной казни и целесообразности сохранения этой меры, отметила в своем отчете: «Все изученные нами статистические данные свидетельствуют о том, что отмена смертной казни не влечет за собой увеличение числа преступлений»²¹.

В Канаде после отмены смертной казни в 1976 г. число убийств не только не выросло, а наоборот, последовательно снижалось. В 1975 г. было зарегистрировано 721 убийство, а в 2001 г. – 554. За 25 лет после отмены этой меры число убийств снизилось на 23%, и ныне этот показатель в три раза ниже, чем в соседних США, где смертная казнь, как было показано выше, применяется весьма широко. Если в 1975 г. (накануне отмены смертной казни) уровень убийств в Канаде в расчете на 100 тыс. населения составлял 3,09, то к 1980 г. он снизился до 2,41, а к концу 1999 г. – до 1,76. Иначе говоря, за прошедшие годы уровень убийств в этой стране после отмены смертной казни снизился на 43%²².

Таким образом, все указанные исследования свидетельствуют о том, что с точки зрения общей превенции «институт смертной казни не имеет криминологической значимости, т. е. ни ее применение, ни ее отмена прямого воздействия на динамику тяжких преступлений не оказывают»²³. Более того, как отмечает В. Е. Квашис, судебная практика по делам о таких преступлениях абстрагируется от их динамики и ни логической связи, ни статистической корреляции между ними не существует²⁴.

²⁰ См.: PR Newswire. 2001. August 17.

²¹ Камю А. Размышления о гильотине // Изнанка и лицо. М., 1998. С. 503.

²² См.: Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective, Oxford University Press, third edition, 2002. P. 214, 230. Проф. Р. Худ приводит также результаты аналогичного исследования в Нигерии, показывающие, что введение смертной казни за вооруженный грабеж никак не сказалось на динамике этих преступлений (С. 216).

²³ Квашис В. Смертная казнь в США // Уголовное право. 1998. № 3. С. 79. См. также: Антонян Ю. М. Жестокость в нашей жизни. М., 1995. С. 174; Бородин С.В. Еще раз о смертной казни за убийство // Государство и право. 2001. № 4. С. 61; Вицин С. Время казнить в России закончилось? // Рос. юстиция. 1999. № 3. С. 10.

²⁴ См.: Квашис В. Е. Смертная казнь в США // Государство и право. 1996. № 9; Злобин А. Г., Кузнецова Н. Ф. Социальная обусловленность уголовного закона // Сов. государство и право. 1976. № 3. С. 82-83; Кури Х. Имеет ли наказание превентивный эффект? // Правоведение. 2001. № 3. С. 149 –151.

¹⁵ См.: Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective, Oxford, Clarendon Press, 1996, 2 td. P. 187.

¹⁶ См.: Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective, Oxford University Press, third edition, 2002. P. 216.

¹⁷ См.: Bedau, H., Abolishing the Death Penalty even for the Worst Murderers' // Austin Sarat (ed.), The Killing State: Capital Punishment in Law, Politics, and Culture, 1999. P. 40-59.

¹⁸ www.amnestyusa.org/abolish/deterrence .

¹⁹ См.: This Like We Take, 200. Н. 27.

ΝΤΑΑΔΕΑΙΕΑ

Яковлева Л.В. Понятие уголовной ответственности	3
Мерзогитова Ю.А., Майорова Е.И. Квалификация организации преступного сообщества (преступной организации)	12
Цоколова О.И., Нагаев Е.А. О нагрузке на следователя	19
Николюк В.В., Осипов Д.В. Совершенствование работы органов предварительного следствия и подразделений дознания по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними или с их участием	29
Кузнецова Н.А. Доказательственное значение документов, полученных на стадии возбуждения уголовного дела	36
Власов П.Е. Особенности первоначального этапа расследования незаконных банкротств	44
Смирнов П.А. Особенности участия подозреваемого в уголовном судопроизводстве зарубежных стран	51
Ларичев В.В. Законодательство, регулирующее расследование преступлений в США и Германии (сравнительно-правовой анализ)	62
Зайцев О.А., Абдуллаев Ф.Г. Процессуальное положение начальника учреждения, исполняющего наказание	69
Есина А.С. Некоторые проблемы, возникающие при исполнении отдельных поручений следователя	79
Аршба Г.В. Прокурорский надзор за наложением ареста на имущество	87
Грашичева О.Н. К вопросу о прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям	94
Савкин А.В. Некоторые проблемы применения УПК РФ и пути их решения	100
Балатаев Д.Н. Эффективность общепредупредительного воздействия смертной казни	105

**ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ****Сборник научных трудов****№ 207**

Редактор *Н.Б. Горбачев*
 Технический редактор *Е.Г. Александрова*
 Корректор *Г.О. Киселева*
 Компьютерная верста *Г.В. Корнеевой*

Подписано в печать 19.06.2003	Тираж 100 экз.
Формат 60x84 1/16 Печ. л. 7,2	Уч.-изд. л. 8,0
Изд. лиц. ИД № 02096 от 19. 06. 2000	Цена договорная

Издатель: ВНИИ МВД России
 123995, Москва, Г-69 ГСП-5, ул. Поварская, 25

УОП РИО ВНИИ МВД России

АННОТАЦИИ

УДК 343.01

Яковлева Л. В. Понятие уголовной ответственности // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 3.

Исследуются проблемы соотношения понятий уголовной ответственности и уголовного преследования. Обосновывается существование только негативной юридической (уголовной) ответственности. Анализируются различные концепции трактовки уголовной ответственности, формулируется авторское определение. Раскрывается содержание уголовной ответственности как комплекса государственных мер реагирования, применяемых к лицу при нарушении охраняемых уголовным правом общественных отношений.

УДК 343.1

Мерзоготова Ю. А., Майорова Е. И. Квалификация организации преступного сообщества (преступной организации) // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 12.

Дается уголовно-правовая характеристика организации преступного сообщества (преступной организации) и участия в нем, проводится сравнительный анализ ст. 210 УК РФ со смежными составами, выделяются критерии отграничения преступного сообщества (преступной организации) от бандитизма и организации незаконного вооруженного формирования, раскрываются проблемные вопросы квалификации преступного сообщества (преступной организации).

УДК 343.1

Цоколова О. И., Нагаев Е. А. О нагрузке на следователя // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 19.

Анализируются факторы, влияющие на загруженность следователя, рассматриваются методики, позволяющие рассчитать оптимальную нагрузку на одну штатную единицу следователя, а также указывается четкий (оптимальный) норматив уголовных дел по годовой (месячной) нагрузке.

УДК 343.1

Николюк В. В., Осипов Д. В. Совершенствование работы органов предварительного следствия и подразделений дознания по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними или с их участием // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 29.

Формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства в части производства предварительного следствия и дознания по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними или с их участием.

УДК 343.1

Кузнецова Н. А. Доказательственное значение документов, полученных на стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 36.

Рассматриваются вопросы, связанные с собиранием и закреплением документов-доказательств на стадии возбуждения уголовного дела, в свете принятия нового уголовно-процессуального законодательства.

УДК 343.1

Власов П. Е. Особенности первоначального этапа расследования незаконных банкротств // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 44.

Рассматриваются особенности первоначального этапа расследования незаконных банкротств. В частности, уделено внимание производству таких следственных действий, как обыск и выемка, которые требуют незамедлительного проведения именно на первоначальном этапе расследования, в целях исключения утраты доказательств. Также обозначен перечень документов, подлежащих изъятию.

Отдельно рассмотрены признаки фиктивного и преднамеренного банкротства.

УДК 343.1

Смирнов П. А. Особенности участия подозреваемого в уголовном судопроизводстве зарубежных стран // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 51.

Анализируется законодательство зарубежных стран – представителей разных систем права, регламентирующее порядок приобретения уголовно преследуемым лицом соответствующего процессуального статуса, а также производства отдельных процессуальных действий с участием такого лица. Рассматриваются процессуальные права как самого подозреваемого, так и государственных органов, осуществляющих расследование.

УДК 343.1

Ларичев В. В. Законодательство, регулирующее расследование преступлений в США и Германии (сравнительно-правовой анализ) // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 62.

Рассматриваются вопросы, связанные с особенностями регламентации расследования преступлений в США и Германии. Сформулированы выводы об использовании положительного зарубежного опыта в целях совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства.

Зайцев О. А., Абдуллаев Ф. Г. Процессуальное положение начальника учреждения, исполняющего наказание // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 69.

На основе проведенных научных исследований, анализа нового Уголовно-процессуального кодекса РФ и накопленного практического опыта разрабатывается процессуальный статус одного из участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения – начальника учреждения, исполняющего наказание, как органа дознания.

Есниа А. С. Некоторые проблемы, возникающие при исполнении отдельных поручений следователя // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 79.

Рассматриваются актуальные и практически значимые аспекты наиболее проблемного вопроса взаимодействия следователей с органами дознания – поручения следователя о производстве следственных действий, исполнении процессуальных решений и осуществлении оперативно-розыскных мероприятия.

Аршба Г. В. Рассмотрение прокурором ходатайств дознавателя, следователя о наложении ареста на имущество // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 87.

Обсуждаются вопросы, возникающие при рассмотрении прокурором поступающих к нему постановлений о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого, других лиц (основания наложения ареста на имущество; круг лиц, на имущество которых закон разрешает арест; содержание постановления о возбуждении ходатайства; процессуальное оформление решения прокурора об отказе в даче согласия).

Грашичева О. Н. К вопросу о прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 94.

Анализируются уголовно-процессуальные основания прекращения уголовного преследования, а также приводится их классификация (разграничение) по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям.

Савкин А. В. Некоторые проблемы применения УПК РФ и пути их решения // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 100.

На основании анализа изучения УПК РФ и практики его применения рассмотрены недостатки и противоречия, имеющиеся в названном Кодексе, приводятся конкретные предложения о путях их устранения.

Балатаев Д. Н. Эффективность общепредупредительного воздействия смертной казни // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 105.

Анализируются результаты проведенных в США исследований, посвященных оценке эффективности общепредупредительного воздействия смертной казни.

**ПРОБЛЕМЫ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
О
СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНА
НИЯ**

ΝΑΙ ΔΙΕΞΕΙΛΑΘΕ ΤΟ ΟΔΟΓΙΑ